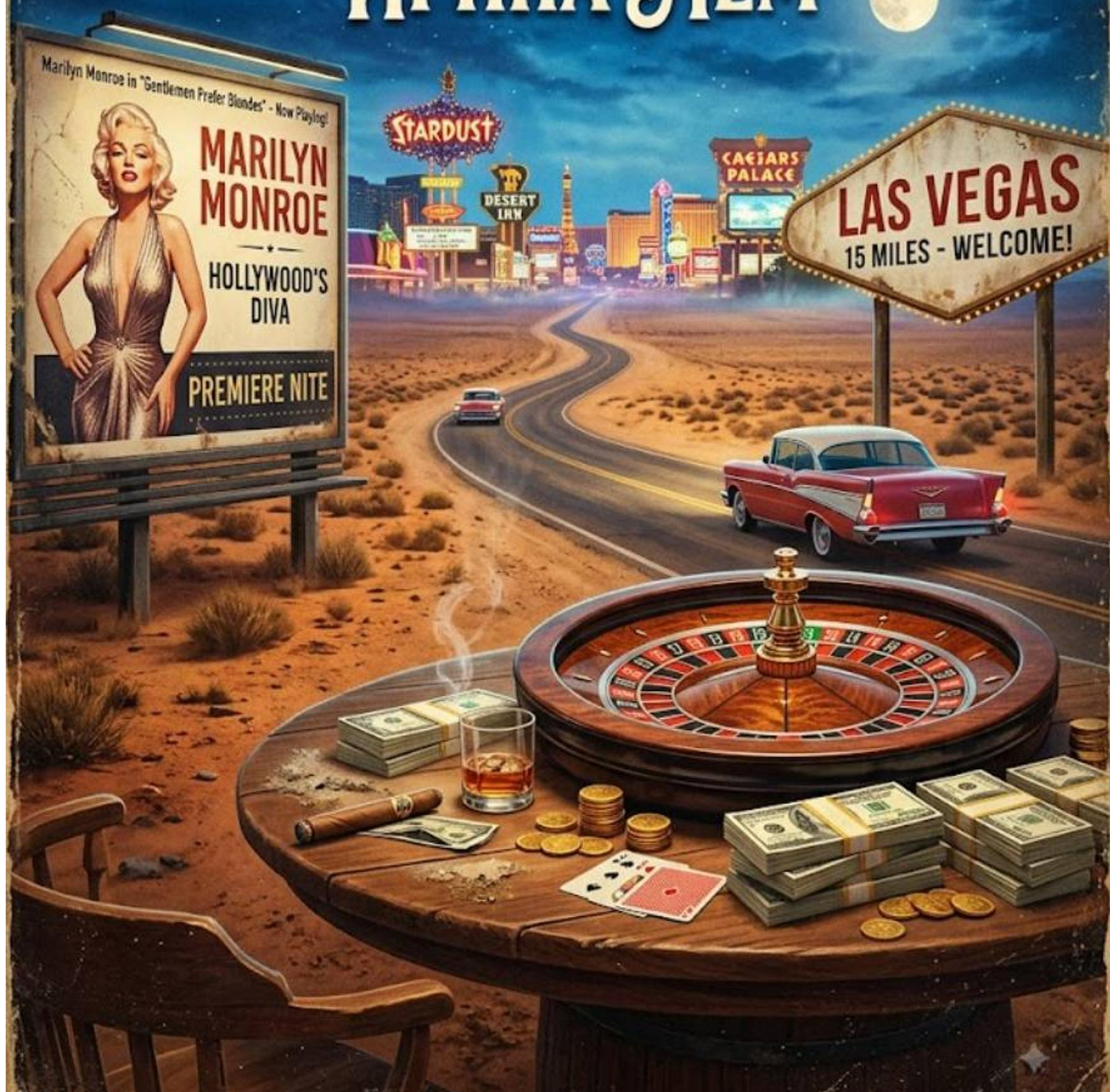

СКАЗКИ ЛАС ВЕГАСА

ИРИНА ЛЕМ

Ирина Лем

Сказки Лас Вегаса

«Автор»

2026

Лем И.

Сказки Лас Вегаса / И. Лем — «Автор», 2026

На глянцевых картинках Лас Вегас — город-сказка, город-волшебство. Но не заглядывай на обратную сторону, иначе увидишь то, что тебе не понравится - мир фальши, обмана и корысти. Здесь порок возведен в добродетель, а доверие становится рискованной валютой. Здесь спутаны карты и правила игры, а владелец казино - не всегда завидная партия для девушки с сомнительной репутацией...

© Лем И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ирина Лем

Сказки Лас Вегаса

Глава

Часть 1

Если бы у Алекса спросили «Что самое красивое у женщины?», он бы ответил: ноги. Не глаза, не грудь - ноги. Вот такие, которые он видел сейчас перед собой: тонкие у щиколоток, они тянулись вверх и плавно расходились, образуя идеальной формы икры, затем слегка сужались - ближе к коленным впадинкам. Дальше начиналась юбка, которая скрывала самую интригующую часть женского тела, но она сейчас Алекса не волновала. Волновала романтическая составляющая «преследования» девушки. Он не видел ее лица, да и неважно, по большому счету. К лицам Алекс особых требований не предъявлял, достаточно того, чтобы оно было натуральное - без подтяжек, филлеров и ботоксов.

Это если для серьезных отношений. Которые ему не нужны, во всяком случае, на данный момент... а также на следующие несколько моментов, вернее, лет. Может быть, и никогда более не захочется - после первого брачного опыта. Неудачный опыт отбивает охоту повторить. Отрицательный результат - тоже результат, положительного не имеется и, честно сказать, не хочется иметь.

В данный отрезок возраста ему достаточно несерьезных отношений, вернее, кратких соитий, для которых у Алекса был широкий выбор: танцовщицы, стриптизерши, официантки, барменши, молодые актрисы, не принятые в Голливуд, и прочие охотницы за счастьем (читай - за богатым мужем), прибывшие в «сказочный город» с маленьким багажом и большими амбициями.

Которые разобьются здесь в пух и прах. Мечта «встретить свое счастье» в обличье щедрого и, желательно, неженатого толстосума исчезает в Лас Вегасе так же быстро и бесследно, как утренний туман над пустыней Мохаве. Потому что миллионеров на всех не хватает, а миллиардеров здесь вообще всего четыре, и одна из них - женщина. Но эти, совсем не сказочные, реалии будут осознаны потом, лет через пять-десять.

Пока же мечта сияет, как башня казино «Стратосфера», подсвеченная закатным солнцем, и девушки стремятся ее осуществить. Первый шаг - подправить внешность, подогнать под идеал. Без долгих раздумий ложатся под нож пластического хирурга, чтобы переделать губы, груди, ягодицы и прочие части тела, созданные, по их мнению, с «изъяном».

Мозги у них с изъяном, считал Алекс. Чем и пользовался. Чаще всего одноразово, без романтических соплей, то есть свечей, розовых лепестков в ванной и прочих пошлых приемчиков из фильмов «про любовь», над которыми плачут девочки-подростки и бабушки-пенсионерки. Отказа не встречал. Какая дура откажет мужчине своей мечты? Наоборот, девушки почитали за честь стать предметом внимания молодого, неженатого владельца казино «Золотая Лихорадка».

Вернее, со-владельца, но это мелочь.

А вот ножки, которые мелькают перед его носом, совсем не мелочь, можно сказать «американская мечта». Вдобавок обуты в изящные, лакированные туфли-лодочки, ярко-красные - самый сексуальный цвет. Не зря районы расположения эротических заведений раньше отмечали фонарями возбуждающего кровь цвета. Эти туфли сверкали лаком, будто маленькие фонарики или всполохи огня, на который, как известно, можно смотреть бесконечно.

Он бы бесконечно смотрел на эти ножки. Не тощие - кости, обтянутые кожей, как у манекенщиц. Не широкие, с накачанными икрами, как у танцовщиц. Эти ножки - ровные, удлинен-

ные, похожие на перевернутую бутылку с немецким вином рислинг, горлышко которой упирается в туфлю, а дно уходит под платье.

Не просто рислинг, а именно с виноградников земли Баден-Вюртемберг, который Алексу впервые привезла одна девушка-барменша из Германии. Она несколько лет работала там дегустатором (называла себя по-французски «сомелье»)… имя ее не запомнил, а название и происхождение вина – да.

Потом специально заказывал его для девушек, с которыми иногда проводил вечера. Безпроигрышный выбор. Вино крепостью двенадцать процентов пилось, как лимонад – гладко, незаметно и опьяняло лишь до состояния легкого расслабления, но не до свинства. Содержимое нравилось девушкам, бутылка – Алексу. Перед тем как открыть, он любовался ее экстерьером: одной рукой держал за дно, которое точно умещалось в ладони, другой нежно гладил длинную, изящную «шею».

На этикетках стояло «свежее фруктовое».

Эта девушка впереди тоже «свежая и фруктовая». Кажется, Алекс уловил ее запах – тонкое смешение ароматов морского ветерка и землянично-сладкого фрукта фейхоа. Хотя… запахи нельзя разлагать на составляющие, как нельзя рассматривать картину по фрагментам. Запах – тоже произведение искусства, если составлен профессионалом высокого класса. Произведение искусства – всегда единое целое… это вдохновение и впечатление…

Или это впечатление от ароматизатора воздуха – он уже переключился на вечерний режим? В «Золотой Лихорадке» использовали японскую систему ароматизации: утром – бодрящий лимон, в полдень – легкие цветочные аккорды, после полудня тонкое дуновение роз, а вечером…

Разве уже вечер?

Кстати, который час?

Посмотреть негде. Часов и окон в казино нет. Наручные Алекс не носил: дорогие – чтобы не выдавать благосостояние, дешевые – чтобы не упасть в глазах сотрудников. Посмотреть в телефоне? Неохота отвлекаться от зрелища впереди.

Быстро прикинуть в уме, сколько он сегодня сделал, и сколько времени прошло?

Утром провел переговоры с инвесторами о покупке земли для нового проекта (сейчас кризис, земля дешевая, самое время вкладываться). Потом четверть часа релакса в кабинете, минут с девочкой из стриптиза, душ и ланч.

Потом ездил в аэропорт встречать бизнесмена и миллионера из Луизианы Дэвида Буша – он из тех, кто играет, вернее, проигрывает по-крупному. Их называют «киты» и обслуживают как членов королевской фамилии. Красная дорожка, лимузин со всеми удобствами, президентский люкс и «любой каприз за ваши деньги». О происхождении которых спрашивать не принято.

Про Буша, впрочем, известно, что он бешено зарабатывает: официально – на продаже нефти, неофициально – на продаже оружия. Хобби: разведение собак. Алекс приставил к нему взвод официантов и дворецкого, который разбирается в собачьих породах, как в сортах виски, и в состоянии отличить мастифа от мальтийца.

Потом проверил сообщения на телефоне и отправился в бар выпить кофе по-арабски с корицей вместо сахара. Есть не хотелось, на жаре и в беготне теряешь аппетит. Срочных дел не было, заглянул ненадолго в секьюрити-рум, уставленную экранами не хуже центра наблюдения за полетами. За экранами сидели парни из охраны и с таким же напряжением наблюдали за происходящим в казино, как инженеры NASA наблюдают за происходящим на орбитальной станции.

Хозяина встретил начальник смены Боб Райер: высокий, чернокожий, полноватый, с большими, острыми глазами, которые «считывают» человека лучше любого сканнера, одетый, в отличие от Алекса, всегда официально: белая рубашка, черные брюки (не джинсы) и сверка-

ющие лаком туфли. Боб коротко доложил: ситуация под контролем. Алекс кивнул и отправился в зал – на месте убедиться, что «полет происходит в штатном режиме», и, наконец, поесть в мексиканском баре неподалеку от комнаты «для курящих», где подают вкуснейшее буррито с курицей и рисом.

Поесть не удалось. По дороге в бар наткнулся взглядом на нечто повкуснее буррито...

Итак, сейчас должен быть поздний вечер. В это время воздух в казино освежается ароматом «Тысяча и одна ночь». Хотел бы Алекс провести тысячу ночей с обладательницей двух скульптурно вылепленных ножек, шагающих впереди?

Ну... тысячу, может, и нет, а одну или две не отказался бы.

А она?

Кто она вообще?

Явно не дешевая шлюшка (одета стильно, дорого, но неброско – «скромное очарование буржуазии»). Не актриса-неудачка (по сторонам не зыркает в надежде подцепить спонсора-продюсера). Не скучающая богатая туристка в поисках приключений (уверенный шаг, прямые плечи и полное отсутствие интереса к окружающей суете).

Трудная добыча.

Алекс не из тех, кто отступает перед трудностями. И запах «тысячи ночей» ему в помощь. «Кто владеет запахом, то владеет сердцами людей» - девиз арома-маркетинга. Поможет ли он завладеть сердцем незнакомки или, для начала, хотя бы заговорить?

«Нет... нет...», - раскачивалась из стороны в сторону ее юбка в форме колокола, в стиле пятидесятых годов. Кажется, такие носила та звезда Голливуда, бельгийка по происхождению, с фигурой греческой богини и лицом американской девочки-проказницы... имя вылетело из головы. Ее портрет висел в спальне матери Алекса – Энн (родом тоже из Голландии) с тех времен, когда она была еще школьницей. Потом к нему добавился портрет актрисы постарше - из фильма «Шоколад». Потом еще кто-то известный - с возрастным лицом, потом Шэрон Стоун «после пятидесяти». А недавно мать повесила фото полной, сильно накрашенной дамы со «следами былой красоты» на лице и сигаретой между пальцами.

- Представляешь, - сказала мать Алексу в один из его приездов. – Катрин Денев уже восемьдесят, а она без операций выглядит...

- ...отлично для своего возраста, - быстро сказал Алекс, догадавшись, что мать скажет что-то вроде «выглядит на двадцать лет моложе».

Разве это комплимент, сказать кому-то: тебе не дашь больше шестидесяти? Разве есть разница между «выглядеть на шестьдесят» или «на восемьдесят»? Разница есть между двадцатью и сорока – девушка и женщина. А потом... старушка «молодая» и старушка «пожилая».

Возраст к женщинам беспощаден, особенно во второй половине жизни. Надо прилагать «нечеловеческие» усилия и тратить кучу денег, чтобы задержать увядание. Что не подходило Энн – она была слишком ленива, чтобы трудиться над собой. Она любила баловать себя, например, сигареткой Маверик со вкусом ванили и апельсина после ланча или рюмочкой вишневого ликера во время игры с подружками в бридж.

Согласно типично голландской трезвости ума, она жила в свое удовольствие, что сказывалось на лице лучше крема и на фигуре лучше тренажера. Она старела вместе с женщинами на портретах - достойно и без истерик. Алексу нравилась их компания, но особую слабость он питал все же к той, самой молодой – героине фильма «Завтрак у Тиффани». Она была его первой женщиной: глядя на портрет, он, подростком, мастурбировал... прямо в спальне родителей... и много раз потом - на ее фото с голыми ногами в журнале Лайф, найденным в столе у матери.

А теперь видит эти ноги воочию - в остроносых туфлях-лодочках, на тонких каблучках-шпильках, начинающихся не от края пятки, что неудобно, а от середины, что позволяет

равномерно распределять и поддерживать вес. Здорово, что «лодочки» опять вошли в моду, как и юбки в форме колокола или перевернутого тюльпана.

Все же раньше мода была приятнее глазу, более лояльна к женщинам, не то, что теперешний унисекс, где разница между полами почти стерлась. Одну и ту же вещь может носить и мужчина, и женщина, и трансгендер всех направлений и названий – кажется, именно на них и происходит ориентация, потому, что моду теперь делают почти исключительно представители нетрадиционных сексуальных меньшинств.

Хоть бы эта девушка к ним не относилась...

Нет, если она увлекается модой пятидесятилетней давности, лесбиянкой быть не должна. В те благословенные времена они, если и существовали, то особо не светились. «Выходить из шкафа» опасались, чтобы не быть обвиненными и посаженными. Алекс не против полового разнообразия, но все же оно не должно слишком агрессивно выставлять себя напоказ.

Как же звали ту актрису...

А как зовут эту девушку - «грустноглазую леди долин» из песни Боба Дилана?

С чего это Алекс взял, что она «грустноглазая», если видел ее только сзади?

Идет она как-то... отрешенно, что ли. От предложенных официантками напитков отказывается, на «живую» рекламу концертов не реагирует, даже красавчика Бруно Марса – звезду первой величины не удостоила взглядом, так же как витрины с женским бельем и ювелирными украшениями.

Последнее вызывает подозрение. Однажды израильская разведка ловила радикального исламиста, который переоделся в женское платье и скрылся под хиджабом. Ни лица, ни фигуры не видно - как распознать его на улице среди одинакового одетых, бесформенных силуэтов, похожих на черные привидения? Задача на сообразительность.

Которой не занимать израильтянам – они с первого дня создания страны окружены врагами и не могут позволить себе такую роскошь как глупость. Заметили, что одна фигура шла, ни разу не повернув голову в сторону магазинов с ювелиркой и прочими женскими штучками. Все равно что ребенок, ни разу не взглянувший на витрину с игрушками или мороженым. Нелогично.

С девушкой впереди тоже не все логично. Идет по казино, полным людей, музыки, звона падающих монет, разноцветно переливающихся лампочек слотов, музейно-привлекательных витрин магазинов, как по унылой, гудящей от одиночества степи, где кроме гнущегося под ветром ковыля не за что зацепиться взглядом, и только она знает – куда и зачем направляется.

Узнает ли Алекс?

«Нет... нет...» - отвечала юбка, колыхаясь туда-сюда.

«Нет» его не устраивает. Не зря же он прошел за ней половину игрового зала, на приличном расстоянии, конечно, чтобы не словить обвинение в преследовании. Но шел неотступно, как баран, которому показали морковку и повели на скотобойню.

Тьфу! Что за глупое сравнение...

А не глупо – забыв про дела, идти за ножками, еще не увидав лица?

Вдруг у нее нос, как у Барбары Стрейзанд, и улыбка, как у лошади Пржевальского?

Нет, у таких прелестных ножек не может быть некрасивой хозяйки. К тому же в наше время проблемы внешности решаются на «раз-два»: даже средней руки пластический хирург сделает тебе из носа конфетку, а из лошадиной улыбки - голливудскую.

А вдруг она замужем?

Нет, *такие* замужние в одиночестве по казино не разгуливают. Супруг не отпустит. За ней нужен глаз да глаз, иначе не успеешь оглянуться - уведут. Даже у Алекса, чужого практически человека, шевельнулась ревность, когда заметил реакцию встречаемых мужиков: глаза делают круглыми, как фишки, присвистывают, цокают языком. Другая девушка на ее месте как-то отреагировала бы – кивком, поворотом головы...

Только не эта. Невозмутима, как египетский Сфинкс.
Зачем она вообще сюда явилась?

Не играть, не пить, не есть. На слоты и рулеточные столы внимания не обращает, к ресторанам-барам не сворачивает.

Подойти спросить «Что вы тут делаете, мисс?» Не желаете ли взять бесплатного гида по казино? По вечерам у нас множество развлекательных мероприятий, кроме собственно игры: от конкурса красоты болонок до путешествия во времена золотой лихорадки, не говоря об аквариуме с черными акулами, которые фотогенично смотрятся на фоне грунта из разноцветных камешков.

«Нет... нет...»

Нет. Неудобно ни с того ни с сего...

Неудобно ездить на верблюде, особенно между горбами и без седла, как говорит Дэнни де Велла, его друг и со-владелец.

Если хочешь познакомиться, поторопись.

Девушка уже приближается к выходу. Затеряется в толпе... хотя, вряд ли – такую в любой толпе заметишь... но все равно... она, как «нежная фея лугов», может внезапно исчезнуть, раствориться, испариться под неоновыми лучами, как роса под утренними...

Черт! Заговорил... вернее, задумал почти стихами, хотя романтизмом не страдал, стихов не сочинял, даже когда в девятом классе влюбился в длинноногую чирлидершу Тину Кросби. Правда, время от времени, под настроение и бутылку греческого коньяка метакса читал на телефоне поэтические опусы Боба Дилана, написанные еще в молодые годы, под псевдонимом Счастливчик Уилбери. Опусы те были без политических намеков и романтических метафор, просты до примитивности, как информация на шапочке для душа: «Размер – одна голова».

Может «да», может «нет»,

Может тьма, может свет...

Ничего, кроме сегодня.

Босоножки долой,

Ты бутылку открой,

Я буду твой – только сегодня.

Сомнительное обещание, на него не клюнет незнакомка. Алекс усмехнулся про себя и вдруг остро осознал: если выпустит ее из виду, никогда больше не встретит и не узнает – ЧТО именно он потерял. Вернее, он уже сейчас ощущал, что многое теряет: эти ножки в остроносых лодочках, сверкающих в свете хрустальных люстр как рождественские шары, этот глядящий жест рукой по волосам цвета «влажная солома», пышно лежащим на плечах, эту легкую, скользящую походку, от которой качается юбка и на все непристойные вопросы отвечает «нет... нет...».

Терять Алекс не любил. Однажды он летел из Рино в Лас Вегас и уже приготовился прикрыть глаза, чтобы подремать пару часов после утомительного уикэнда на горнолыжном курорте. Взглянул в иллюминатор и... застыл. Правду говорят: природа – лучший художник. Картина открывалась такая, что не в силах был бы скопировать даже Томас Моран, мастер школы Гудзона. Жаль, что он увлекался рисованием пейзажей Гранд Каньона и ни разу не взглянул на закат у Сьерра-Невады.

На темные силуэты горной гряды накатили волны облаков невероятного количества оттенков – от черно-синего до светло-серого. Между ними проскальзывали лучи солнца, слабые, прозрачные – казалось, они не хотели гаснуть и изо всех сил цеплялись за вершины. Вроде, солнце уходило не по своей воле, его тащил кто-то всемогущий, чтобы запереть в одиночке на пожизненный срок. И такая тоска сквозила от всего пейзажа, будто наступал не конец дня, а конец света.

Алекс хотел сфотографировать пейзаж в иллюминаторе, но телефона под рукой не оказалось, он лежал в дорожной сумке под сиденьем. Лезть доставать с пристегнутыми ремнями неудобно, к тому же включать электронные аппараты во время взлета и посадки запрещено. А когда будет разрешено, будет поздно – живые картины меняются в природе каждые десять секунд. Алекс пожалел, потом подумал: будут еще закаты в его жизни...

Да, будут, но уже другие.

Будут еще девушки...

Будут, но другие.

Эту нельзя упускать. Даже не ради секса, а чисто из спортивного интереса. Любопытство зудело и распирало, и самому было смешно – походил на ребенка, которому купили подарок и положили под елку, но запретили открывать до Рождества. А он ходит кругами и придумывает – как бы взглянуть на него хоть одним глазком.

Как бы взглянуть на девушку хоть одним глазком...

Время поджимало. Секунды сыпались, как песчинки в солнечных часах – их становилось тем меньше, чем ближе она подходила к выходу.

От напряжения взгляд замылился, Алексу приходилось чаще моргать, чтобы не терять фокус. Происходящее вокруг размылось и почти перестало существовать. Существовали только девушка и Алекс, который двигался будто в лихорадочном бреду или в параллельной действительности: не слыша ни треска игровых барабанов, крутившихся без передышки, ни музыки, плавно лившейся с потолка, ни запахов из кафешек, навязчиво щекотавших ноздри.

Он ничего не имел бы против, если бы всё окружающее провалилось в тартарары, остались бы только они двое.

В голове проносилось множество поводов, чтобы приблизиться, заговорить, но ни один не казался подходящим. Или слишком оригинальный: «Девушка, не подскажете квадратный корень из 144?» - Алекс будет выглядеть как идиот. Или слишком прямолинейный: «Жарковато здесь, не хотите ли заглянуть в бар «Минус 5», там подают напитки в рюмках изо льда?» - девушка подумает, что ее собираются снять на ночь.

Несмотря на комфортабельную прохладу, выдуваемую работавшими на полную мощность кондиционерами, подмышки вспотели, Алекс нехотая вспомнил, что забыл побрызгаться дезодорантом. От воспоминания взмок сильнее, по виску поползла противная, как змея, капля. Как ни странно, она немного остудила его метавшиеся в лихорадке мысли, выстроила в логический ряд. Может не стоит усложнять? Может надо просто: в качестве хозяина заведения – подойти и предложить подвезти ее до дома? Предложить вызвать такси? Предложить поужинать? Предложить провести вместе ночь...

Глупости.

Все поводы фантастичные и ни одного рабочего. Всё! Надоело думать. Надо импровизировать. Подойти, прикинуться простаком, спросить – как пройти на Фримон стрит.

Нет... опять глупость. Они уже на Фримон стрит.

Девушка вышла за двери и тут же попала под радужный неоновый водопад, лившийся с потолка-экрана, где Джон Бон Джови пел про то, что «она в порядке». Его длинноволосая голова плавала, как в аквариуме, между рыбками в оранжево-белую полоску и анемонами ярких до ненатуральности цветов. Народ стоял, массово подняв головы, раскрыв рты и глаза. «Фея» даже не взглянула. Ясно: Бон Джови – не ее кумир.

А кто?

Вероятно, сладкоголосый Роджер Виттакер – от него сходили с ума девушки пятьдесят лет назад. Точно. Эту Алекс впервые заметил, когда она выходила из кафе «Милые 60-тые», где крутят ретро и выступают группы с музыкой, приятной на слух, но не вписывающейся в современные коммерческие рамки.

Может и такое быть, что она сто раз видела клип с головой Бон Джови... или попросту куда-то торопится. Скорее второе. Подошла к лестнице, ведущей на тротуар, положила руку на перила. Сейчас спустится, оставит позади свето-шумовую мишуру и Алекса в придачу, поймает такси (приехала не на своей машине, иначе отправилась бы на парковку) и...

Раздумывать некогда, нужна спонтанная акция. Алекс прибавил шаг и уже приготовился броситься к девушке, схватить за руку, скорчиться от боли, попросить вызвать «амбуланс»... когда услышал скрип. Каблук на правой туфле незнакомки поехал назад, нога подвернулась, девушка пошатнулась и едва не полетела с лестницы вниз. Пусть там было всего три ступеньки, но она прилично шмякнулась бы об асфальт, если бы...

Если бы не Алекс. Он уже был на пути к ней. Забежал вперед, подхватил, поставил на ноги, наконец, посмотрел в глаза.

И утонул.

Он падал в бездну, как в Гранд Каньон, и молча кричал от страха – потерять, позабыть эту девушку со взглядом мудрого, много пережившего ребенка. Это действительно «грустноглазая леди долин», о которой в своей романтической молодости пел Боб Дилан. Алекс не знал, что такие существуют. Последние годы он общался с девушками примитивного уровня, похожими друг на друга, как ментальные сестры: интеллект куриный, глаза прозрачные и продажные, в зрачках – портреты президентов с долларовых купюр.

Несколько мгновений Алекс и девушка стояли молча, держа друг друга за локти. В киношных мелодрамах в этот момент герои должны были бы приблизить лица и поцеловаться...

Но это в кино, где все совсем не так, как в действительности.

Девушка слегка улыбнулась и обдала Алекса таким теплом, что показалось – он знал ее всю жизнь, но сам не догадывался об этом.

- Спасибо, вы меня спасли, - сказала она и отстранилась.

Неужели учуяла его потные подмышки, испугавшись, подумал Алекс. Но тут же вспомнил, что его постельные партнерши часто говорили - от него пахнет «мужественно и сексуально», и скорее всего не врал. К тому же в воздухе висело множество далеко не всегда «вкусных» ароматов – от бесконечно несущихся по шоссе машин, уставших бродить по жаре людей, а также из углов, которые использовались асоциальными элементами как туалеты, так что разобрать источник какого-то конкретного «благоухания» было затруднительно.

- Спасибо вашему каблуку – он позволил мне спасти вас от неминуемой травмы, - ответил Алекс немного длинно и заковыристо.

Отвечать коротким «пожалуйста» нельзя: на том все и закончится. Она отправится в другую реальность, он останется в своей – их реальности никогда больше не пересекутся.

Девушка неопределенно пожала плечами. Чтобы не возникло неловкой паузы, Алексу надо продолжить что-нибудь говорить – но не избитые глупости вроде «мне лицо ваше знакомо, мы не встречались раньше?», а что-то, подходящее случаю.

- Не считите за назойливость, позвольте купить вам новые туфли. Тут полно обувных магазинов. «Валентино Гаравани» подойдет? – Алекс кивнул в сторону витрины с продукцией одного из самых модных и дорогих итальянских дизайнеров: там на полотне золотого цвета, разложенном волнами в виде песочных барханов стояли образцы обуви – от босоножек до сапог.

Ни одна женщина, гулявшая по бульвару, не прошла мимо витрины, не остановившись или хотя бы не повернув головы. Если бы им предложили что-то бесплатно выбрать в этом магазине, они бы, как минимум, рассыпались в благодарностях...

- Нет, спасибо. Я решу проблему просто и без затрат. – Девушка скинула обе туфли, отбросила пинками за кадушку с пальмой и осталась босиком. - До свидания.

- Подождите! – Алекс быстро взял ее ладонь, спрятал между своими, будто согревал, хотя ее пальцы и без того были теплыми и мягкими. Она не выдернула руку. Он осмелел и спросил:

- Можно на правах спасителя узнать ваше имя?

- У меня нет имени, - странно ответила она.

- Телефон – пригласить как-нибудь на ужин?

- У меня нет телефона.

Про адрес не стоит и спрашивать, ответ заранее ясен.

- Я так понимаю - адреса тоже нет? – Она отрицательно качнула головой. - Странно. Почему?

- Я не существую.

- Но я вас вижу.

- Это ненадолго. Скоро я исчезну... навсегда...

- Подождите, давайте я вас подвезу, - с отчаянной надеждой проговорил Алекс. - Куда скажете... доставлю в полной сохранности и больше не буду надоедать. Если не хотите со мной, прикажу своему шоферу вас подвезти. Я владелец казино, из которого вы только что вышли, - выложил он свой последний и, обычно, безотказный козырь. – Вы не созданы для поездок на такси.

- Я не езжу на такси. Спасибо, но моя карета уже подана.

Девушка как-то виновато улыбнулась, с вежливой легкостью высвободила руку и пошла к обочине, где стоял только что подъехавший, белый кадиллак. Не десятиметровый монстр, который нанимают для свадеб и корпоративных вечеринок, а «обычный», представительского класса кадиллак «эскалейд спорт платинум» прошлого года выпуска, на пару миллионов скромнее свадебного лимузина.

Задняя правая дверца медленно, автоматически отворилась, открывая темное нутро, приглашая внутрь. Девушка села сначала боком, соединила ноги и занесла их в салон – по всем правилам придворного этикета. Точно так садилась в машину принцесса Диана, вспомнил Алекс и едва удержался, чтобы не крикнуть «постой!». Его принцесса сейчас уедет и, как Диана, исчезнет с лица земли. Их обеих не вернуть – хоть реви, как раненый бизон, хоть угрожай покончить с собой, спрыгнув с плотины Гувера..

Дверца так же медленно закрылась, кадиллак плавно сдвинулся с места, влился в поток машин, набрал скорость и затерялся среди автомобильных огней, сверкавших будто камешки цветного, постоянно меняющегося калейдоскопа.

Печаль, такая же внезапная и неистовая, как гроза в пустыне, набросила на Алекса сумеречное покрывало, притушив сияние реклам и витрин. Белым призраком встало рядом одиночество, для которого, на первый взгляд, не имелось причин. Наоборот, множество людей входили в ближний и дальний круг общения Алекса. Были друзья, с университетских еще времен, встречались нечасто, но на День студента обязательно, вспоминали прошлое, хвастались настоящим. Были женщины – для плотских утех или пустой болтовни, что полезно для расслабления после целого дня деловых переговоров.

Была бывшая жена Кристина - Алекс поддерживал с ней контакт ради дочери Наоми, с которой встречался раз в месяц. Чаше не получалось, она жила на другом конце страны, в Нью Йорке. Была мама Энн, его моральная поддержка и постоянная собеседница за ужином по воскресеньям. Регулярно звонил отец: семнадцать лет назад он развелся с Энн, женился на бывшей порно-актрисе, которая, как ни странно, стала хорошей женой, и увез ее во Флориду, где солнце, крокодилы и никакой прошлой жизни.

Вроде, всё было, но чего-то не доставало, чего-то важного, красивого, необходимого для целостности картины, как вишенка на торте, о чем сам Алекс раньше не догадывался. Когда незнакомка уехала, он почувствовал себя лузером. Будто имел на руках практически беспроигрышную комбинацию «стрит флэш» во главе с королем. Но тут пришел какой-то счастлив-

чик вроде Алека Хемстри и выбросил «флэш роял», собрать который шанс меньше, чем умереть от падения астероида.

- Привет, Майкл, - сказала девушка, устроившись на заднем правом сиденье белого кадиллака.

- Привет, Мила, - ответил водитель и улыбнулся в зеркало заднего вида. Его зубы ярко блеснули на фоне черной кожи, будто он только что отбелил их у стоматолога-гигиениста в районе для богатых «Кларк Каунти».

- Все хорошо?

- Да. Отлично.

- Уже знаете – кого ждете?

- Мальчика. Назовем Канье Омари. В честь моего любимого рэпера. Красиво будет звучать: Канье Омари Эштон. Не находишь? – Мила не ответила, Майкл не обиделся. Он любил поболтать за рулем, тогда дорога не казалась скучной, к тому же всегда приятно кому-то рассказать, что у тебя все хорошо, чем не могут похвастаться девяносто процентов его знакомых. – Канье – великий человек, не только как рэпер. Талантлив во всем. Я кроссовки покупаю только его марки, дорогие, но удобные. Сидят на ноге, будто обнимают. Канье заслуживает, чтобы детей называли его именем. Сделал сам себя.

- Вышел из бедной семьи? – спросила Мила, чтобы поддержать разговор и заглушить желание, вернее - наваждение откинуться на сиденье и погрузиться в себя.

Молчание, темнота и ограниченное пространство машины вызывали у нее клаустрофобию, вместе с которой всплывали воспоминания из прошлого. Из-за постоянных возвращений они обрастали деталями хорор-фильма, которые, может, и не существовали на самом деле, но отчетливо отпечатались в ее детских страхах и зажили своей жизнью.

...Жуткое, потустороннее завывание метели - будто ее пытаются, ломая кости и выдергивая зубы без наркоза... стены дома дрожат от ветра и холода... незнакомые, неопрятные люди по- пьяному громко и бестолково болтают, курят и ржут, как психически больные... среди них бродит девочка восьми лет... к ней наклоняется какой-то лысый мужик с красным, в потных потеках лицом и, грязно ухмыляясь, протягивает бутылку пива... девочка отворачивается... она хочет спрятаться в тепло и тишину... ложится спать рядом с живой мамой, а просыпается рядом с мертвой... а, может, мама уже была мертва...

От воспоминаний пробрала дрожь. Мила тряхнула головой, наклонилась вперед, положила локти на спинку переднего сидения – чтобы быть ближе к человеку и не оставаться один на один с монстрами прошлого. Как хорошо, что Майкл любит поговорить. Она слушала его, смотрела на едущие впереди и сзади машины и ощущала себя спасенной. Во всяком случае в этот вечер.

- Я бы не сказал, что он прозябал в бедности, - рассказывал Майкл. - Правда, рос без отца, зато мать была профессором английского языка, зарабатывала прилично. Жаль, умерла от пластической операции. Канье жутко переживал. К тому же вскоре расстроилась его помолвка. Он, конечно, с катушек слетел...

Майкл ненадолго замолчал. Приближалась сложная дорожная развязка, и надо было вовремя перестроиться в плотном, как рыбный косяк, потоке, чтобы не пропустить поворот на пятьсот пятнадцатое шоссе. После поворота дорога шла на юго-восток, до самого Хендерсона – прямая, ровная, без подъемов-спусков, а также без мрачных, лесных массивов, откуда по ночам выходят привидения, снежные люди, инопланетяне и прочая нечисть, которой печально прославился Клинтон-роуд в Нью Джерси.

На скорости 65 миль в час Майкл включил автопилот, устроился удобнее на сиденье и продолжил разговор. Вернее, продолжил монолог.

- Мы с Оливией уже оборудовали детскую комнату. Боже, как я жду этого ребенка... Я дам ему все, чего сам был лишен. Мистер Гринберг обещал мне месяц отпуска после рождения Канье Омари. Вместо меня будет работать мой брат Эдди. Мистер Гринберг не любит нанимать незнакомых. Я брата предложил и поручился за него.

Эдди - отличная кандидатура. Четырнадцать лет отработал на грузовике. Перевозил товары для Волмарта. Штат Невада знает как собственный диван. Ни одной аварии или штрафа. Зарабатывал хорошо, но в последнее время грузовики стали грабить. Нелегальные мигранты, черт бы их побрал. Прибывают массово через тоннели с мексиканской стороны. Стало опасно на дорогах. Эдди - парень крепкой комплекции, но против группы голодных и отчаянных... Короче, надоело ему подвергать опасности собственную жизнь... Ну вот, мы почти приехали. За двадцать семь минут добрались, а в час пик потратили бы часа полтора.

Кадиллак взобрался на один из холмов горной цепи, окружавшей Хендерсон, проехал вдоль кирпичной стены, поросшей вьюнком, и остановился перед воротами, достаточно высокими, чтобы даже подпрыгнув не удалось взглянуть на охраняемую ими территорию. Два столба, сложенные из разновеликих камней, держали деревянные створки, сверху украшенные загогулинами из металла. Над ними, от одного столба до другого, в форме радуги красовалась вывеска «Ранчо Зеленый Холм». Рядом в том же стиле - узкая дверь для пешеходов. На столбах горели фонари в стиле романтического средневековья, о котором в Америке знают лишь из фильмов и европейских книг.

Сканнер видеокамеры идентифицировал номер машины. Створки ворот, подобно шлюзам канала, неспешно отворились и открыли проездную дорожку - извилистым ручейком она текла через парк, будто созданный диснеевским художником-мультипликатором. Фантазия его, как фейерверк, взлетела, рассыпалась в небе красочными букетами и не погасила их, но нетронутыми уронила на этот клочок бесплодной невадской земли.

- Езжай медленнее, пожалуйста, - попросила Мила.

Майкл пустил машину шагом.

- Да-а-а... у хозяина есть вкус... и деньги... Но, знаешь, я не завидую. Зависть разъедает, а любовь созидает. Так говорит наш пастор Бивел. Любовь должна в душе поселиться. Тогда и жить будет в радость. Я вот всех люблю - маму, жену, Канье Омари, хозяина... и тебя немножко...

- Я тебя тоже... немножко... но давай помолчим и посмотрим... - попросила Мила и наклонилась к боковому окну.

С другой стороны к ней наклонились, подрагивая тычинками, соцветия рододендронов: красные, белые, желтые, лиловые - подсвеченные лампочками тех же тонов, они походили на земные звезды. Позади стояли деревца магнолий в цветущих шапках, мини-пальмы, росшие не из кадки, а из земли, со стен водопадами стекали гроздья бегоний - освещенные сзади, они будто служили прикрытием для таинственных пещер из времен пиратов и сокровищ.

В укромных уголках, под навесами из плюща и винограда, так же перевитых крохотными лампочками, поджидали гостей сплетенные из тростника диваны, предлагая роскошно отдохнуть на их по-мароккански ярко расшитых матрасах и подушках. Вдоль пешеходных дорожек, в каменных вазах, украшенных лепкой с героическими сюжетами, по-тропически пышно цвели синие, белые, сиреневые гортензии.

Весело журчал ручей, падая с горки в крошечное озерцо, по берегам его стояли живые бело-розовые фламинго с гордыми головами на высоких шеях и, замерев, смотрели на сверкавшие голубыми искрами фонтанчики в виде скульптур: рыба с разинутой пастью или рог изобилия, который держал божок родом из древней, южно-европейской мифологии. Боги Северной

Европы для украшений парков не подходят – они суровы на вид и агрессивны по характеру (взять того же норвежского Одина), а вместо рога изобилия у них меч и булава.

Покажи мне – в каком окружении ты живешь, и я пойму – кто ты. Хозяин усадьбы несомненно обладал романтическим вкусом с примесью ностальгии, идущей рука об руку со склонностью к уединению и ветхозаветной эстетике, не терпящей минимализма-модернизма. Что подтверждали и скульптуры без постаментов, в старо-римском стиле, расположившиеся по берегам дороги будто для приветствия проезжающих, и выбитый в камне, мягко освещенный грот с мраморной скамьей на краю заросшего лилиями пруда. Ромео и Джульетта только что сидели здесь, обмениваясь клятвами любви и собираясь жить долго и счастливо...

Жить с кем-то долго и счастливо у Милы не получится.

Почему?

По семейным обстоятельствам. Которые ни одна фея никакой волшебной палочкой не изменит. Впрочем, она не одна такая «несчастливица» в стране сказок. У стойкого оловянного солдатика тоже не сложилось с балериной, а пряничный человечек раньше срока пропал в пасти лисы. Впрочем, Мила давно уже не печалилась об этом, вернее, печаль ее не носила характер трагедии. Да, жаль, но что поделать, такова судьба, против которой ни меч короля Артура, ни булава Одина не помогут.

И не так все черно в ее жизни, как может показаться. Есть множество вещей, которые помогают не свалиться в равнодушие к себе и остальному миру. Равнодушие – внутренняя смерть. Мила помнила глаза матери – неподвижные, мутные, будто залитые льдом, последние месяцы они не реагировали ни на слова, ни на слезы дочери. Абсолютный ноль по шкале эмоций, кладбищенская отрешенность человека, еще существующего на свете, но уже простившегося с ним...

Интересно, если бы удалось привезти ее в этот чудо-сад, она бы оттаяла?

Мила прислонилась лбом к стеклу, чтобы лучше видеть проплывавшие мимо, мультишно-красочные картинки будто из сказки «Энканто», которую она смотрела раз пять и каждый раз плакала светлыми слезами от радости за героев. Они с чисто латиноамериканским задорным оптимизмом встречали неудачи, любили до самозабвения, а если умирали, то с улыбкой на губах.

Нет, лучше жить с улыбкой на губах, даже если надежда затухает вместе с закатом, а спина рассечена ударами судьбы. Но не плачь, не вини себя, не жалея – это не поможет. Утром встань, надень новую кожу, создай новую надежду, улыбнись зеркалу и – вперед! Как делали чернокожие рабы Америки. Они не вымерли от болезней и побоев, они выжили, размножились и создали самую веселую в мире церковь. Там не читают нравоучительные проповеди, не пугают Божьим наказанием за грехи, там проповедуют любовь и прощение, поют, танцуют и веселятся, праздную жизнь...

Машина ехала, тихо шелестя по гравийной дорожке, в конце ее сделала поворот и остановилась перед входной дверью в дом – компактный, двухэтажный, по углам круглые башни, в центральной части по два окна от двери и навес, опирающийся на оплетенные вьюнком колонны. Дом опять же в старом, сказочном стиле – из серого камня, без прямых углов и четких линий (линии сглажены, углы округлены) отдаленно напоминал отреставрированное и облагороженное жилище Рубеуса Хагрида, когда его из должности лесничего в школе чародейства повысили до преподавателя и дали соответствующую зарплату.

У двери стоял пожилой человек: заметно за восемьдесят, но крепкий еще, полный, щегольски одетый: твидовый костюм-тройка с пуговицами в тон (песочно-коричневый – цвет «влюбленного жирафа»), белая рубашка, расстегнутая сверху на две пуговицы, туфли из мягкой, телячьей кожи. Волосы закреплены пенкой и аккуратно зачесаны назад – совсем недавно, виднелись еще застывшие бороздки от зубчиков расчески. Морщин было бы больше,

если бы мужчина был худее, полнота его молодила, глаза смотрели приветливо, чуть прищурившись, губы улыбались.

Он открыл дверцу машины, помог Миле выйти.

- Привет, дорогая.

- Привет, Саймон. Как себя чувствуешь?

- Сегодня хорошо. Твоими молитвами, как говорится. Знаю, ты за меня не молишься, но наверняка переживаешь. А это важно. Человеку надо знать, что кто-то о нем беспокоится, тогда есть смысл всего этого, - он округло повел рукой.

- Человеку надо, чтобы было о ком заботиться.

- Ах, конечно. Человеческое сердце живет заботой. У тебя оно добрее доброго, иначе ты бы давно забыла старика... Да, эти две вещи держат нас на плаву. Они важнее материальных... Впрочем, и о материальных нельзя забывать – ты голодна? Хочешь выпить?

- Нет, спасибо, я поужинала в казино.

- Проходи в дом, на улице прохладно. Мы хоть и находимся в пустыне, по ночам здесь можно прилично продрогнуть... Спасибо, Майкл, иди отдохни, перекуси что-нибудь.

Саймон открыл дверь перед Милой и жестом пригласил войти – с чисто английским, неспешным, джентельменским изяществом, которое отличало мужчин викторианской эпохи. Оно утеряно у современных мужчин, но нельзя их в том винить, потому что и эпоха изменилась, и женщины: даже малейшие знаки вежливости они могут принять за проявление нездорового интереса или унижение по половому признаку.

В этом смысле Мила была так же старомодна, как хозяин дома. Она кивнула головой, шутя приподняла подол платья, как делали дамы прошлого, и прошла в дом с уверенностью самой дорогой гостьи. Дорогой и желанной гостьей она была только здесь и в который раз пожалела о разнице в возрасте. Если бы ОН был на несколько десятков лет моложе... Она бы... все равно никогда не вышла за него, потому что... те же обстоятельства, те же монстры не дали бы ее сказке закончиться хэппи эндом.

Монстров прошлого можно приручить только став счастливым в настоящем, а Миле до счастья, как пешком до Луны.

И не стоит думать об одном и том же каждый раз. Просто почувствовать себя если не счастливой, то свободной от преследующих ее призраков и теней - хотя бы на один вечер, в этом уголке покоя и доброжелательности, с этим человеком, который в полном смысле «не от мира сего».

Саймон заметил, что она босая.

- Где твои туфли, позволь спросить? Или ты решила заняться босохождением?

- О нет. Просто на туфлях сломался каблук. Покупать новые не было времени, подъехал Майкл. Я не хотела заставлять его ждать, сняла и оставила под лестницей на тротуаре.

- Их наверняка кто-нибудь подберет.

- Уже подобрали. Один чудака. Он шел за мной через все казино, а на улице попытался познакомиться. Представился владельцем казино, предложил подвезти. Но ты же знаешь, я на улице не знакомлюсь. Обычная песня. Сначала они представляются процветающими бизнесменами, потом оказываются сутенерами или карточными шулерами. Я никому не доверяю. Только тебе.

- Спасибо, дорогая. Хочешь надеть домашние тапочки?

- Нет. На полу ковры, мне не холодно босиком.

Сразу за дверью открывалась гостиная, обставленная в изящном стиле, который любили венецианские дожи, оформленная в палитре тонов от бежевого до шоколадного. Опять же никаких прямых линий и углов, режущих глаз. По верху спинок диванов и кресел - планки из ореха с резным рисунком ветвей винограда, тот же рисунок на рамке зеркала ассиметричной

формы – верхняя половина чуть шире, нижняя уже. Салонный столик на ножках-лапах, на таких же комоды, пуфы, дрессуары.

Цвет мягкой мебели подтверждал общий стиль «сдержанная роскошь»: по нежно-абрикосовому шелку – коричневые полосы из округлых элементов. На окнах белая тюль без рисунка и тяжелые, темные шторы, собранные тесьмой посередине и подтянутые к сторонам, как занавес. В простенке лакированный столик с классической греческой вазой в форме амфоры и букетом по всем правилам флористики: впереди низкие цветы – космеи, хризантемы, колокольчики, сзади высокие гладиолусы.

На полу перед диваном – ручной работы шерстяной ковер: светлое поле, по периметру контрастный орнамент, посередине рисунок в виде арабской вязи.

Потолок низкий, для центральной люстры места нет, комната освещалась торшерами высотой в человеческий рост и лампочками-бра по стенам. Было сумеречно, тепло и пахло шоколадом – островок тихого, домашнего уюта, уходящего в прошлое так же безвозвратно, как Мальдивы, постепенно погружающиеся в океан.

Мила прошла по ковру, который при каждом шаге ласково обнимал ее ступни, и направилась было к дивану, когда Саймон тронул ее за локоть, задерживая.

- Погоди. Сегодня мы вместо обычных наших посиделок, займемся чем-то другим. Я заметил твои голые ступни... Они напомнили мне другие... Пойдем, я покажу тебе одну комнату, в которой ты еще не была. Да и вообще немногие люди ее видели.

Они вышли из гостиной через арочный проем, прошли по короткому коридору мимо бильярдной с камином из того же камня, что и дом, библиотеки с книжными шкафами вдоль стен и широкими, прошитыми креслами напротив, и вошли в комнату без окон, походившую на зал фотогалереи.

Вверху висела техническая люстра – без украшений, лишь несколько небольших лампочек на металлическом круге. Они мягко освещали фотографии на стенах: большие и маленькие, люди в полный рост или только лицо, профиль, силуэт, взгляд, группа, на вечеринке, на природе, в одиночестве... Все фото непрофессиональные, многие не слишком четкие, запечатлевшие моменты бытия, как в старом, семейном альбоме.

- Вот, – сказал Саймон. – Это, так сказать, святая святых моего дома. Комната, хранящая самые светлые и ценные мои воспоминания.

Мила бегло огляделась.

- Кто эти люди? Твоя семья?

- Нет. Это те, с кем мне посчастливилось встретиться и вместе работать. Они сделали историю кино. Если присмотришься, многих узнаешь, хотя они не мелькают по телевизору, не позируют для соцсетей. Мастодонты золотой эры Голливуда. Кларк Гейбл, Кэри Грант, Ава Гарднер... Красота, талант, а главное – человеческая индивидуальность их отличали. Раньше было штучное производство актеров, сейчас конвейер. Ни искры в глазах, ни силы в характере. Женщины на одно лицо, мужчины на одно тело...

Испортились актеры... или зрители? Ведь студии снимают фильмы ради кассовых сборов, а сборы дают зрители. Которые драме предпочитают боевик. Чтобы посмотреть и забыть. А надо – чтобы посмотреть и задумался. Зрителя надо воспитывать, а не только развлекать. Демократия в искусстве не работает. То, что нравится большинству, не обязательно шедевр. Понимаю сегодняшнюю популярность детективного жанра – интрига, драка, победа «хорошего парня» над «плохим». Но и раньше снимали детективы, только там побеждали преступников умом, а не кулаком.

Сейчас не создают (разучились, к сожалению) фильмы вроде «Касабланки» с Ингрид Бергман или «Времени убийц» с Жаном Габеном... Но скажи, дорогая, я тебе не надоел своим старческим ворчанием?

- Конечно, нет. Я во многом с тобой согласна. Расскажи историю твоего маленького музея. Подозреваю, его экспонаты уникальны.

- Да, всё здесь представленное - не студийные снимки, но, по большей части, любительские. Их мало кто видел. Я специально собирал «нечаянно получившиеся» фото, на них человек – какой он есть, а не каким хочет казаться. Коллекционировать начал в молодые годы, когда крутился в киношном мире. Мама впервые привела меня на студию в четыре года, она была художником-гримером, работала над лицом самой Вивьен Ли.

С каждой их этих картинок связано какое-то воспоминание, эпизод не фильма, но жизни. Вот на этой... узнаешь – кто?

Мила наклонилась поближе рассмотреть слегка засвеченную фотокарточку: лето, море, белая платформа размером два на два метра, на ней лежит женщина в купальнике, рядом мужчина - наклоняется, собирается ее поцеловать, неподалеку валяются две пачки Мальборо. Забыты сигареты, забыто все, что окружает. Для этих двоих мир сузился до размера платформы и будто спрятался за ширмой... Настолько интимный момент, что Миле показалось – она подглядывает в замочную скважину.

- Э-э-э... Элизабет Тейлор и.. один из ее мужей... не узнаю...

- Ричард Бартон. Казалось бы, неравный союз: двенадцатый ребенок уэльского шахтера и голливудская дива, с девяти лет познавшая обожание толпы... Я был свидетелем начала их романа. В начале шестидесятых я работал осветителем на съемках легендарной «Клеопатры», там у них все и закрутилось... Это фото сделано в перерыве съемок морской битвы, на берегу Тирренского моря.

- Так и кажется – сейчас они займутся любовью на глазах у всех.

- Они не играли любовь, они ее переживали. Картинка не слишком удачная с технической точки зрения, а взгляд не оторвать. Это называется «историческое порно» - испытывать удовольствие от просмотра старых фотографий.

- Кажется, ты и меня этим «заразил». Расскажешь еще что-нибудь интересенькое?

- Расскажу еще одну небольшую, очень личную историю, которую я вспомнил благодаря твоим босым ногам. Пойдем, покажу тебе самый дорогой экспонат моей коллекции фото-драгоценностей.

Взяв Милу под локоть, Саймон подвел ее к нише в стене, где под особо мягким освещением, не дававшим бликов, на высоком и узком, как дорическая колонна, постаменте стояла не лучшего качества черно-белая фотография. Задний план размыт из-за тумана или дождя, а серая, прозрачная, пластиковая рамка служила как бы продолжением погоды на фото и увеличивала его пространство. Уединенный уголок парка, женщина со склоненной головой бредет в задумчивости босиком по траве.

Она в темных очках (хотя погода ненастная, но видимо, женщина желала сохранить инкогнито), на голове черный шарф, надо лбом легко узнаваемая волна белых волос. Плащ на два размера больше – но он не портил впечатления, наоборот, заставлял гадать, какая великолепная фигура под ним скрывалась. А может, не гадать, но вспоминать по множеству снимков, потому что не узнать ее было невозможно.

- Это... Мэрилин Монро? – спросила Мила, присмотревшись.

- Для друзей просто Норма Джин. Для меня в том числе. Нас познакомил ее коллега по актерской школе Джек Перри. Вряд ли она запомнила мое имя, вокруг нее всегда крутилось множество народу, и все хотели подойти, познакомиться, быть к ней поближе. Она светила всем, как солнце, а сама была одинокой, как Полярная звезда.

Саймон приложил пальцы правой руки к подбородку, опустил взгляд, помолчал – на воспоминания надо настраиваться, как на любимую мелодию или книгу.

- Это фото я сделал в пятьдесят девятом в Центральном парке, в саду Шекспира. Мэрилин любила там гулять. Она приехала в Нью Йорк по каким-то делам, Джек позвонил мне и

предложил сопровождать ее. «У леди сейчас проблемы, чтобы быть одной». В тот день моросило, она сняла туфли и отправилась босиком по траве. Меня поразили ее изящно вылепленные, миниатюрные ступни – прямо как у тебя, с таким же красным лаком на ногтях...

Саймон протянул руку, будто желал прикоснуться – не к фото, но к живой женщине.

- Она была... - начал он и хотел продолжить, но голос сорвался и отказал.

Саймон коротко всхлипнул, прикрыл глаза дрожащей рукой. Он до сих пор не смирился со словом «была». Вспомнил тот день 5 августа. Ехал в Брентвуд присмотреть домик для себя, когда по радио объявили о смерти Мэрилин Монро. Не поверил. Молодые, красивые актрисы просто так не умирают, а Мэрилин, почему-то казалось, вообще будет жить вечно. Подумал: чья-то дурацкая шутка или розыгрыш - у нее много завистников, да и врагов хватает. Решил проверить и свернул на Пятую Елена Драйв, где она жила, он как раз был неподалеку.

Возле ворот стояла толпа зевак, за воротами толпа полицейских.

Неужели правда...

Он переживал ее смерть как никакую другую, даже смерть дочери... упокой Господи ее душу. Когда она родилась и взглянула на Саймона своими глазками – голубыми и глубокими, как озера Эдема, он увидел в них глаза женщины, которую тихо и тайно любил. Он назвал дочь в ее честь.

Нельзя называть детей именами умерших. Ее ждало печальное будущее и смерть в те же тридцать шесть лет. Мистика...

Зря он пришел сегодня на свидание с этой фотографией. Воспоминания надо вовремя хоронить, иначе они похоронят тебя. Сегодня подходящий момент покончить с ними. Он расскажет Миле то, что никогда никому не рассказывал, и забудет. Мила напоминала Мэрилин - хрустальной хрупкостью души и в то же время стальной крепостью характера. Но в отличие от Мэрилин, она выдержит жизнь, во всяком случае - хотелось так думать.

Саймон глубоко вздохнул и продолжил тихим, хрипловатым голосом:

- Вижу ее как сейчас. Безо всякого макияжа, даже без ее любимой кроваво-красной помады, она казалась ангелом, сошедшим с небес на нашу неприветливую землю. В пол-лица темные очки, защищавшие не от солнца, но от назойливых взглядов. В плаще как бы с чужого плеча и в брюках-слаксах - узких, укороченных, будто она из них выросла. Девочка, одетая в мужество. Таксист не узнал ее, как и другие посетители парка. Это была не всеми обожаемая кинодива, а обычная девушка, каких тысячи в Нью Йорке. Но даже в своей «обычности» вызывала восхищение... Которое ей в последние годы надоело. Она все чаще хотела скрыться от посторонних глаз.

- Немного странно. Современные «звезды», наоборот, ищут внимания.

- Современные - непробиваемые. Прут как танки, расстреливая и раздавливая всех вокруг. Люди стали жёсткими, беспощадными, как самураи. Стоишь у меня на дороге? Раз – и голова с плеч. Порядочные, душевно тонкие люди в актерской среде сейчас редкость, а в то время – большинство. И это не старческое ворчание. Вот ты можешь представить Хеди Ламарр, эту «богиню Голливуда», утонченную красавицу, к тому же умнейшую женщину своего времени – замешанной в скандалах или интригах против коллег? А Лоретту Янг – по-деревенски милую девушку с косичками вокруг головы и голосом херувима?

- Я смотрела фильмы с их участием, но не знала лично.

- А я знал. Сейчас жестокие времена, а тогда... более человечные что ли. Приличия соблюдались. Люди больше думали не о том, как обогатить банковский счет, а как обогатить душу. Хотя деньги, конечно, играли роль, но далеко не главную. Вот она... - Саймон кивнул на фото. – Зарабатывала миллионы, а скиталась по гостиницам, только за полгода до смерти купила собственное жилье. Деньги раздавала без сожаления – и нуждавшимся друзьям, и благотворительным фондам.

Она всю жизнь хотела быть хорошей, чтобы ее любили. Всю жизнь искала себя. Трепетное, легко ранимое существо... Все время находилась в раздвоенном состоянии. В ней удивительным образом соседствовали две, не похожие друг на друга, персоны. Одна салютно-взрывная, бесшабашно веселая, маршал парада «Мисс Америка» и любимая девушка американских солдат – Мэрилин Монро. С которой не имела ничего общего тихая, даже застенчивая, полная детских страхов девочка, так и не ставшая взрослой – Норма Джин. Представляешь, скольких трудов стоило ей каждый раз перевоплощаться из одной в другую, а потом еще и вживаться в роль.

- С ума сойдешь... понимаю, почему она подсела на снотворные и наркотики, что и привело к фатальному концу.

- Погубили ее не наркотики, а нечто другое. Раздвоенность существования. С каждым днем растущее расстояние между Мэрилин и Нормой Джин. Она обладала настоящим актерским талантом, а ее воспринимали только как пустоголовую блондинку, источающую секс, которых она играла в комедиях. Играла, кстати, гениально – ведь рассмешить людей труднее, чем заставить плакать. В комедии очень легко свалиться в пошлость, если не соблюдать определенной тональности. Балансировать между юмором и пошлостью целый фильм так же трудно, как идти по слабо натянутому канату. Таланту смешить нельзя научить – он дается природой. Мэрилин обладала им на уровне Чарли Чаплина или Бастера Китона.

- До которых далеко теперешним актерам. Поэтому я не смотрю современных комедий.

- Хочешь посмотреть старую, добрую...

- ...с Мэрилин Монро, конечно?

- Почему бы нет? Как тебе «Джентльмены предпочитают блондинок»? Кстати, дорогая, твоим ножкам не холодно?

- Нет, их греет ковер – теплый, как шуба. А насчет «Джентльменов»... я бы посмотрела что-то другое. С Мэрилин в драматической роли. Кстати, можно личный вопрос?

- Кажется, догадываюсь – что ты хочешь спросить, - сказал Саймон после едва заметной заминки. – Пойдем смотреть кино, а по дороге я придумаю джентльменский ответ.

Мила улыбнулась, кивнула, первой вышла из «сокровищницы» и направилась по коридору вглубь дома. Из-за приглушенного освещения, пастельных тонов и дворцового шика интерьеров он казался подземным замком кельтских эльфов. Саймон шел следом, стараясь не глядеть на голые пятки девушки, чтобы не будить больных воспоминаний.

Миновали гостиную - в китайском стиле, с преобладанием красного цвета, который приносит счастье (согласно традиционному мнению жителей Поднебесной): мебель темного дерева, обои из рисовой бумаги теплого белого оттенка, низкие столики с резьбой по нижнему краю, керамические вазы династии цинь с драконами по бокам, картины китайских ландшафтов в бамбуковых рамках.

Задняя стена в виде двух картонных перегородок была раздвинута и открывала вид на водоем неравномерно-округлой формы, оформленный как оазис в пустыне: художественное нагромождение камней по берегам, мини-пальмы как зонтики на ножках, между ними композиции из вечнозеленых кустов и цветов, любящих свет и воду. Края бассейна выстланы шершавой плиткой – чтобы не поскользнуться.

Все здесь устроено в соответствии с желанием хозяина дома наслаждаться естественной красотой и сохранять душевное равновесие.

Мила замедлила шаг. Если бы она тут жила, была бы счастлива – по всем правилам китайской философии гармонии.

Но не здесь, и не сейчас.

Может быть... когда-нибудь... в другой жизни...

Незаметно вздохнув, Мила прошла в соседнюю, затемненную комнату, устроенную как домашний кинотеатр. Окон нет, стены из пористого, шумопоглощающего материала, огром-

ный экран у стены, перед ним – два велюровых кресла «лейзи бой» с полкой для ног, подушками под спину и клетчатыми пледами из шерсти ламы на подлокотниках. Именно в кинозале, как нигде, было заметно стремление Саймона к уединенности, иначе тут стояли бы кресла в несколько рядов – как у любителей многочисленных компаний. Миле льстило входить в узкий круг его гостей и быть в нем, пожалуй, единственной персоной женского пола.

На столиках по бокам кресел лежали пульты от телевизора, конфеты в коробках, стояли бутылочки с фруктовой и простой водой – дорогие, экологически чистые продукты от производителей с незапятнанной репутацией. Никаких чипсов, соевых шоколадок или жареной кукурузы в бумажных ведерках, популярных в обычных кинозалах. В здоровом теле – здоровая душа, хозяин дома придерживался этого всем известного, однако, далеко не всеми соблюдаемого правила.

Подождав, пока Мила сядет и накроет ноги пледом, Саймон устроился рядом и сказал:

- Ты хотела спросить о моих отношениях с Мэрилин. Отвечу так: это была любовь, но не взаимная, дружба, но не платоническая... После ее смерти я женился на актрисе, похожей на нее как два яблочных семечка. Но копия – не оригинал. Я развелся и прожил бобылем. Романы, конечно, случались, но к новому браку не привели. Видно, такова моя судьба – быть однолюбом.

Но даже если бы я женился на Мэрилин, не думаю, что мы долго протянули бы вместе. Она была не от мира сего. Чужестранка на родине. Дочь параллельной Вселенной. Звездный ветер занес ее на Землю, где никто ее не понимал и не ценил. Я не ходил на похороны – если не видишь человека мертвым, он, как бы еще жив, только где-то далеко. Самообман, конечно, однако, в моем случае сработал. А мертвой мы увидим ее сегодня в фильме «Ниагара» - в лучшей драматической роли Нормы Джин Мортенсон.

Кадиллак уехал, Алекс все стоял и смотрел ему вслед, будто хотел загипнотизировать и приказать вернуться. Вернуть незнакомку без имени, телефона и адреса, которую тот увез в неизвестном направлении. Наверняка к мужу или любовнику. Ревность уколола, хотя - как можно ревновать женщину, впервые увидев, перекинувшись лишь парой фраз, не зная ее статуса в настоящем, не надеясь на встречу в будущем?

Где-то на задворках мозга слышался голос: повернись и иди опять по своим делам, наверняка их накопилось множество. Казино – огромное хозяйство, практически город в миниатюре, вернее, многоярусный, круизный лайнер, где временно проживают тысячи людей и крутятся огромные деньги.

Здесь всегда что-то происходит. И хотя есть служба охраны, чтобы следить за порядком, общее руководство и принятие решений лежит на Алексе, как на капитане корабля. Следить, чтобы корабль не напоролся на рифы, подобно «Коста Конкордии», или не натолкнулся на айсберг, как «Титаник» – его первостепенная забота. Все остальное, что мешает или отвлекает, следует задвинуть подальше, подмести под ковер и забыть.

А не стоять посреди улицы, как одинокая скала в Долине Монументов, не пытаться вернуть призраков из черной пасти небытия...

За погруженным во тьму парковым массивом вспыхнул гигантский купол Сферы в виде полной, голубоватой луны и придал событиям последней четверти часа сто оттенков невероятности. В которой не стоило задерживаться: Алекс - не Пиноккио в Стране Чудес. Необходимо возвращаться в свою страну под названием «Золотая лихорадка» и заниматься совсем не чудесными делами.

Например, пообедать, то есть уже поужинать.

Есть не хотелось. Хотелось заняться душевным мазохизмом. Потом, вдоволь натерзавшись, завалиться в бар, напиться семизвездочной метаксы и с первой попавшейся смазливой официанткой отправиться в личный номер люкс. Утром вечерняя дурь выветрится вместе с похмелем, новые заботы вытеснят вчерашние недоразумения, жизнь начнется с чистого листа...

Все-таки интересно - кто у нее любовник? Судя по автомобилю – человек с верхушки социальной пирамиды. Успешный трейдер с Уолл-стрит, президент богатой азиатской страны или эмир Дубая?

С такими конкурентами у «бедного» владельца казино нет шансов. Поднял голову комплекс неполноценности, которым Алекс болел в тинейджерстве. Прыщи, поллюции, вонючий пот, от которого самому хотелось блевануть, эрекция в самый неподходящий момент – на уроках физкультуры или на пляже... а когда надо было... Когда после выпускного бала его партнерша по танцу Финни Колтрейн согласилась стать его партнершей и по сексу, ничего не получилось. Финни была в этом деле не новичок, высмеяла Алекса и надолго отбила желание повторить опыт.

С двойной дозой сомнений повторил только на втором курсе университета с девушкой, часто сидевшей рядом в аудитории, по имени Кристина – она стала его второй женщиной, а потом и женой. Их свела не общность характеров, а общее желание экспериментировать в постели, вместе постигать науку вкусного секса. Алекс женился не по любви, скорее из благодарности. И любопытства – в отличие от друга Дэнни, он сестры не имел, разных женских бытовых штучек не наблюдал.

Поначалу умилялся, когда Кристина, к примеру, оставляла свои кружевные трусики в самых неподходящих местах – на кухонном столе или компьютерном экране, или ходила по дому, не приняв душ после недавнего оргазма, надев его рубашку на голое тело. От рубашки веяло возбужденной молодой женщиной, от этого запаха кровь закипала, желание взмывало вверх. Алекс набрасывался на нее, как лев на флиртующую, молодую львицу, которая ходит кругами, оставляя в воздухе флюиды страсти. Львы в брачный период спариваются каждые полчаса, то же самое Алекс и Кристина.

На курсе их прозвали Бонни и Клайд за то, что были неразлучны и на лекциях, и на вечеринках. Однако, взаимное притяжение их тел оказалось таким же бурным и недолгим, как новогодний фейерверк, и затухло сразу после рождения дочери Наоми. Кристину в роддоме будто подменили: она стала толстой, фригидной, а главное – ленивой и злой. Она подолгу стояла перед зеркалом, рассматривая на лице пигментные пятна, будто брызги кофе, и не подходила к плачущей дочери до тех пор, пока не наложит на лицо толстый слой тонаика.

Алекс поначалу списывал изменения на послеродовую депрессию и, желая утешить жену, с удвоенной... утроенной нежностью целовал ее сухие, шелушившиеся губы, гладил потерявший плоскость живот. «Не переживай... для меня ты такая же сладкая, как раньше...».

Проходил месяц за месяцем, и ничто не становилось, как раньше.

Женские штучки, раньше казавшиеся милыми, теперь раздражали Алекса. Он постоянно наткался на разбросанные тампоны, щетки с клоками волос, диски с записями орущей Аврил Лавин, пустые тюбики от губной помады, несвежие трусы, которые она даже не удосуживалась бросить в стиральную машину. К ее хламу прибавились детские вещи – их Алекс каждый раз убирал на место и следил, чтобы находились в чистоте. К ее неспособности вести хозяйство добавилась неспособность смотреть за ребенком – чисто подмыть, подогреть молочко, ровно надеть памперсы... На замечания Алекса отвечала «не нравится – делай сам» и уходила в другую комнату смотреть бесконечный и тупейший сериал «Друзья».

Для помощи по дому раз в месяц прилетала из Нью Йорка ее мать Джуди, и Алекс ловил на себе ее насмешливые, порой презрительные взгляды – нищесброд, не может обеспечить жене достойное существование без стирок и готовок. С ребенком помогала Энн, но быть бабуш-

кой полный рабочий день ей было не под силу, пришлось взять няню. Ночью Алекс вставал к дочери сам – кормил, менял подгузники, качал, пел песни:

Ты мигай, звезда ночная,
Где ты, кто ты – я не знаю,
Высоко ты надо мной,
Как алмаз во тьме ночной...

Получалось, что работал в две смены: днем в хостеле, который купил в рассрочку с Дэнни де Велла и который стал их стартом в гостиничном бизнесе, ночью дежурил у кровати Наоми, просыпаясь от малейшего ее писка.

Он не пропустил ни одного значительного события ее младенческой жизни. Первые зубки (по совету Энн Алекс тихонько стучал чайной ложкой по десне, чтобы удостовериться – зубки проклюнулись). Первая простуда (Энн советовала давать ей крошку детского парацетамола, разведенного в теплой воде). Первые шаги: Наоми часто падала на спину и ударялась головой о пол, Энн научила ее не падать, а садиться на попу, и девочка с первого раза поняла – в девять месяцев, сообразительная в папу.

Неудивительно, что ее первое слово было «папа».

Дочь была для Алекса на первом месте. Ради нее согласился бы терпеть фригидную Кристину, нашел бы способ разрядки сексуальной напряженности, в конце концов завел бы кого-нибудь на стороне...

А завела она. Няня проболталась: когда Алекс уходит на работу, за Кристиной заезжает какой-то волосатый, небритый хмырь в майке с круглым логотипом на груди, где вместо «пепси» стоит «секси». Иногда они сперва закрываются в спальне, потом уезжают, иногда сразу уезжают на его серебристом Форде Фиеста.

Измена жены – ядерный удар по самолюбию мужчины. Комплекс неполноценности вернулся, как недолеченный грипп. Очень не вовремя: Алекс и Дэнни уже собирались переезжать в Лас Вегас, чтобы начать большой бизнес, а там драка за «место под солнцем» жестче, чем драка за место возле дверей Apple Store в «черную» пятницу». Человеку с комплексами не стоит даже ввязываться. Везти в «город греха» жену, склонную к изменам, все равно, что подарить алкоголику ключ от винного погреба.

С Кристиной надо расставаться, но это означало и разлуку с Наоми...

Кристина легко согласилась на развод, Наоми никто не спрашивал, у Алекса стоял ком в горле и подступали слезы, когда он глядел на дочь. Прилетела Джуди – не чтобы помирить супругов, а чтобы по-быстрому урегулировать юридические вопросы и успеть вернуться ко Дню благодарения в свой трехэтажный дом на Бруклин Хайтс.

Джуди забирала дочь с внучкой в дождливый, сопливый, осенний вечер двадцатого ноября. Наоми исполнилось год, семь месяцев и пять дней. Самолет «Анн Эрбор – Нью Йорк» вылетал в четверть одиннадцатого, обычно в это время дочь уже спала. Но не в тот вечер. Она видела нервность взрослых: как Алекс торопливо складывал в машину чемоданы, потом вынимал и с грохотом ставил на тележку, как суежилась Джуди, болтала без умолку, задавала одни и те же вопросы «а памперсы не забыли?... а подогреватель молочка?» и не скрывала радости избавить дочь от «этого неудачника».

Алекс проводил их до входа в аэровокзал, как до входа в ад – там ждали его муки расставания. Внутри заходить не решился, боялся не справиться с собой. Или разрыдался бы на виду у толпы, равнодушным потоком текущей мимо, или вырвал бы дочь из рук матери и скрылся за стеной черного дождя. Алекс остановился на тротуаре перед освещенным зевом аэровокзала, пожелал взрослым женщинам «счастливого пути», расцеловал Наоми и отступил, сделав гигантское усилие – ноги не двигались, ботинки стали будто из свинца.

Наоми что-то заподозрила своим чувствительным детским сердечком: по мере удаления начала ерзать на руках Кристины, потом протянула к нему ручки, и было ясно: она не понимает – почему папа не идет рядом. Он всегда был рядом. Она не представляла жизни без него.

А он не представлял без нее. Он готов был броситься к жене, встать на колени, умолять не уезжать. Он сделает все, что она пожелает. Он бросит успешно начатый бизнес и станет... простым почтальоном или механиком в автомастерской (у него руки растут откуда надо), чтобы получать стабильную зарплату и больше времени проводить с семьей... нет, лучше станет наркоторонителем, заработает кучу денег и осыплет Кристину зелеными банкнотами, как розовыми лепестками. Он забудет мужскую гордость, простит ей любовника на Форде Фиеста и даже подружится с ним...

Но... не поможет, что бы он ни обещал. Кристина уходила легко и равнодушно, будто забыла его в тот же момент, как сказала «пока». И даже если он сейчас упадет и умрет, она не оглянется.

Сердце разрывалось от взгляда ясно-голубых глаз Наоми, в которых копилась первая в ее жизни печаль, собираясь пролиться бурным ливнем.

Трудно быть ребенком – все понимаешь, а сказать не можешь. Можешь плакать, орать, биться в истерике, однако, без гарантии получить желаемое. Наоми была неопытна в закатывании скандалов. Ее скандалы пресекались в зародыше: едва она начинала кряхтеть, выказывая недовольство от сырости, голода или еще какого-либо младенческого неудобства, обычно ее тут же брали на руки – папа, бабушка или няня и устраняли неудобство.

В тот день все шло не как обычно.

У маленьких детей силен инстинкт – подарок природы, который помогает им в критический момент выражать свою волю без слов. Наоми с криком принялась барабанить ножками по животу матери и кулачками по ее плечу. Кристина проговорила раздраженно «спокойно, малышка», погладила по ножкам, сильнее прижала к себе. Джуди догадалась в чем дело, быстро сунула Наоми айфон с песенками из Марио, чтобы отвлечь.

Алекса отвлечь было некому. Он стоял и молча, горько плакал, как спринтер-чемпион, который очнулся на больничной койке и понял: ему только что отрезали ногу.

Он разлуку с отцом не переживал острее. Тогда он считал предателем отца, теперь – себя, а считать себя предателем самого дорогого человека намного больнее.

Он запретил себе вспоминать тот вечер, и получалось – до сего момента. Странное возвращение в прошлое, эмоциональное дежа вю: разлука с незнакомкой оказалась почти такой же болезненной, как разлука с дочерью. Чем-то они походили... В глазах та же тоска одинокого ребенка или щенка, выброшенного под дождь.

Наваждение какое-то... Хоть бы кто-нибудь отвлек...

В кармане зашевелился телефон, донесся ринг-тон под названием «Флауэр» рок-певца Моби – настойчивая, ритмичная песенка, которую используют в фитнес-клубах на групповых занятиях со штангой:

Подними Салли,

Опусти Салли...

Вовремя напомнила о себе Салли... вернее Энн. Алекс очнулся, достал телефон, двинул кнопку приема, поднес телефон ближе к уху, чтобы лучше слышать – он вернулся из звукопроницаемого кокона воспоминаний в шум ночного Вегаса.

- Да, мам.

- Дорогой, что мы будем есть завтра на ужин?

Совсем забыл. Завтра – воскресенье, Алекс традиционно ужинал с матерью. В субботу они вместе выбирали блюда и заказывали на дом, или ходили в один из близлежащих ресторанов. Оба были разборчивыми в еде: Алекс предпочитал кусок отборной говядины размером с полтарелки, Энн увлекалась салатами из морепродуктов по греческим рецептам. Обсуждение

и заключение консенсуса происходило неторопливо и обычно занимало от десяти до двадцати минут. Сегодня воскресное меню было для Алекса так же далеко и неважно, как меню японского императора.

- На твой выбор, мам.

- Моя знакомая Николет посоветовала японский ресторан «Киото суши хауз»...

Смешно. Алекс только что подумал на японскую тему.

- Ты же не любишь суши. Сырая рыба, паразиты и все такое. Я тоже не любитель морских тварей. Вроде, съел много, а через полчаса опять есть охота. По мне так лучше шмат мяса и чашка овощей...

- Ты не дослушал. Николет сказала, там готовят потрясающие стейки Кобе из лучшей в мире мраморной говядины. Она такая сочная и мягкая... Японцы говорят: стейки Кобе – деликатес, для которого не нужны зубы.

- Про зубы тебе тоже Николет сказала?

- Да. Ее их повар просветил. И знаешь, как такое мясо получают? От бычков, которых кормят только натуральными продуктами и массируют вручную. Пожалуй, я нарушу диету и тоже возьму себе стейк на пробу.

- Хорошо! – почти крикнул Алекс, отвернулся от шоссе, перешел вброд поток туристов, сгустившийся к ночи. Посторонние шумы нарастали и почти заглушали голос из телефона. – Ресторан далеко?

- Совсем нет. На южном конце Бульвара. Пройдемся пешком.

- Что возьмем на десерт? Японские рестораны не славятся сладостями.

- Для десерта вернемся в твою «Лихорадку» в кафе «Бельгийский шоколад». Мороженое, покрытое трюфельными спиральками и политое соком красного апельсина – что скажешь?

- Согласен. Мам, прости, мне пора. Завтра с тобой подольше поболтаем.

Фантомная боль от расставания с дочерью постепенно рассасывалась. В первые годы Алекс летал навещать дочь каждый уикенд, иногда только на несколько часов, чтобы сходить в аквапарк «Мир Мечты» или на каток в Центральном парке. Наоми, кажется, и не заметила разделяющих их расстояний. Ее маленькая вселенная не изменилась в размерах, обитатели остались те же, разве что добавилась новая звезда по имени «дед».

Потом вселенная расширилась: детский сад, школа, шахматный кружок, плавание три раза в неделю, фигурное катание в другие три дня, воскресенье проводила с семьей. Появились подружки, секретки, чисто женские увлечения вроде журнала мод для Барби и Кена, листать которые было веселее с соседской девочкой Венди, чем с отцом. Его посещения оставались желанными, но уже не жизненно необходимыми.

У Алекса тоже случились большие перемены, прежде всего в месте жительства. Они с Дэнни переехали в Лас Вегас – не искать счастья в рулетке, а вливаться в серьезный бизнес. Город называют по-разному: столица греха, Бродвей соблазнов, мегаполис возможностей и еще многими романтическими именами. Алекс назвал бы коротко и честно «Лохотрон Вегас». Это место - гремучая смесь ожиданий и предрассудков, мрачное кладбище разбитых надежд, дикий лес, где блуждают охотники за дармовой медвежьей шкурой, но выигрывает не охотник, а хозяин берлоги. То есть казино.

Там реально можно заработать. Если быть на правильной стороне и отдаться делу на сто пятьдесят процентов, то есть ментально, физически, вдобавок день и ночь думать об одном. Первые два условия не составили для Алекса проблем, с третьим вышла накладка. Сразу после расставания с дочерью мысли днем и ночью крутились вокруг нее. Засыпал, вспоминая ее сладкий детский запах, ночью просыпался, будто слышал ее плач. Часто, во время переговоров

зависал, представляя – что она сейчас делает? Не плачет ли, не голодает, ходит ли в сухом, достаточно ли гуляет, играет?

Почему-то казалось, что без него у Наоми все пошло по-другому, не так, как она привыкла, нарушился режим, установленный Алексом. Воображение рисовало черные картины: она поскользнулась в луже и упала затылком на асфальт, она подхватила какую-нибудь заразу и лежит в реанимации, на нее напала собака или вообще украли воры для выкупа. Он пугался, переключал сознание и мягкими пастельными тонами рисовал другие картины, из их совместного прошлого: как она пробовала засунуть горошину в нос вместо рта, как долго и неловко пыталась задуть свечку на торте в свой первый день рождения, как упорно называла яблоко бананом. Губы сами раздвигались в улыбке, а представители банка не понимали, в чем дело, ведь он только что получил отказ в кредитовании.

Жизнь продолжалась и стирала своим беспощадным ластиком те нежные, карандашные воспоминания, размазывая их по бумаге памяти, делая блеклыми, неразборчивыми, нанося сверху новые впечатления – черным фломастером, четко и ясно. Новые заботы подхватили его, закружили вихрем торнадо так, что на переживания не оставалось ни времени, ни сил. В кровать ложился уже после двенадцати, засыпал мгновенно, будто падал в обморок, чтобы утром очнуться от сигнала будильника и пару мгновений недоумевать – вроде, только что лег, а уже надо подниматься.

Стоял под душем – вспоминал план дня, составленный по всем правилам тайм-менеджмента, который предусматривал строгое расписание дел и короткий отдых через каждый час напряженной работы. Строгое следование плану помогало избежать эмоционального выгорания – бича бизнесменов, особенно начинающих, желающих добиться «всего и сразу». Алексу нравилось его беспокойное существование, он плескался в нем весело и с удовольствием, как молодой дельфин в океанских волнах.

Вселенная его тоже увеличилась в размерах, заполнилась разной степени важности людьми, будто космическими телами: кометами, метеорами, обломками отслуживших летающих аппаратов, осколками отживших свой срок планет. Они вспыхивали и угасали, приближались и удалялись, регулярно возвращались или пропадали навсегда, исчезая во времени и пространстве.

Сегодня вот неожиданно появилась незнакомка – яркая, загадочная и далекая, как звезда Альфа Центавра. Она появилась из ниоткуда и исчезла в никуда, оставив легкий флер духов (смесь горького лимона и свежего бергамота, нечто подобное использовала Энн) и туфли, лежавшие за бочкой с пальмой, будто две надоевшие игрушки, причем одна сломанная. Их надо подобрать и отремонтировать – будет повод заговорить с девушкой в следующий раз.

Который обязательно представится, Алекс не сомневался. Отвернувшись от ослепляющего света Сферы, он сходил за пальму, подобрал туфли, осмотрел – ни единой царапины, подошва чистая, как только что из магазина. Понюхал – внутри пахнет хорошо выделанной кожей, наверное, молодого оленя (почему-то не хочется думать, что питона). На стельке стояло название фирмы черным по белому «Маноло Бланик». Ого! Слышал в новостях – продукция этой фирмы получила звание «туфли недели» на недавно проходившей неделе моды в Нью Йорке.

Недешевая девушка... Выбросила новую обувь за пару тысяч долларов, будто стоптанные шлепанцы-вьетнамки за два «бакса».

Да и мы не на пособие по инвалидности живем. Мелькнувший было комплекс неполноценности растаял так же быстро, как освежающая таблетка алка-зельцера в стакане воды. Комплексы рождаются от неуверенности в себе, которая пожирает человека, подобно монстру-людоеду Вентигу из хорор-игры «Стационарный пациент». Этого монстра Алекс давно одолел, убил и закопал, забыв о его существовании.

Лучшее лекарство от неуверенности – набраться опыта методом проб и ошибок, сделать выводы и похвалить себя за результат. Не каждому дано, у Алекса получилось. Он даже смог бы вести курс на ютубе «Как стать успешным человеком», если бы имел время и желание дополнительно заработать.

Сунув туфли под мышку, каблук в карман, Алекс отправился в казино – не торопясь, чтобы не расплескать недавние впечатления, еще раз пережить, вдохнуть их терпкий аромат, и, закрыв крышку, сохранить в сосуде памяти.

Безнадежности не ощущал, наоборот, подобно великому полководцу – после поражения уже рождал план действий. Освежиться чем-нибудь холодненьким и можно приступать к подготовке. Алекс поднялся по трем ступеньками, ставшим почти монументальными – лично для него, перешел на другой берег человеческой реки, лившейся по Фримон-стрит, сразу за входной дверью свернул направо, к бару «Тропик Рака».

Раньше, когда они только купили это казино, бар находился на возвышении, как веранда или просторный балкон, ограниченный по краю чеканно-узорчатой балюстрадой. К нему вела довольно крутая лестница в десять ступеней, со скользкими металлическими перилами.

С одной стороны, расположение, вроде, выгодное: клиенту приятно подняться над суетой и, неспешно попивая пина-коладу, смотреть на происходящее внизу со снисходительностью римского императора, сидящего в личной ложе в Колизее. С другой стороны, имеется гигантский недостаток. Лестница – негативный элемент маркетинга. Даже десять ступеней становятся непреодолимой преградой для людей с лишним весом, маленькими детьми, ревматоидным артритом, нарушенной координацией или элементарно запущенной ленью. А это львиная доля клиентов казино.

При реновации было убрано всё, что мешало свободному проходу – пороги, ограды, тумбы, а также лишние балконы и другие возвышения. «Тропика Рака» опустили, и теперь к нему вела не лестница, а ковровая дорожка, разрисованная экзотически красочными растениями и цветами. Они выглядели слегка аляповато, но таков закон оформления казино, где отсутствует ощущение времени: яркие краски, причудливые формы должны будоражить глаза посетителей, чтобы они не заскучили и не заснули за столом или слотом.

«Тропик Рака» был оформлен в виде пляжного бара: крыша, стойка, высокие стулья – из тростника, на черном потолке созвездие рака из лампочек и контуры самого животного.

Позади стойки – вечерний бармен Джон, выходец из коренного племени пайутов, коричневокожий, белозубый, в рубашке-гавайке в той же экзотической цветовой палитре, что и рисунок дорожки. В его смену бар никогда не пустовал. Джон – «коренной» служащий казино, работал здесь лет тридцать, без выходных и отпусков, получал двойную ставку, потому что как никто другой умел устраивать спектакль с наливкой коктейлей – жонглируя стаканами, шейкерами и бутылками да еще что-то напевая. Том Круз мог бы у него поучиться.

Перед стойкой сидели и стояли посетители, в уголке скромно примостился Элвис Пресли, в миру Стивен Паркер – старый, больной игроманией неудачник. Его фигура заплыла жиром под самый подбородок, он напоминал Алексу шерифа Дрэйка из Анн Эрбор, который нес службу в районе университета, студенты называли его «жириф».

Сходство с королем рок-н-ролла Стивену придавали две вещи: взбитый чуб (парик) и белый костюм-комбинезон с блестками – примерная копия того, в котором Пресли выступал на своем последнем концерте в Индианаполисе. Паркер сидел боком на барном стуле – одну ногу спустил на пол, другую поставил на перекладину и положил на нее живот.

Перед ним стоял высокий стакан с «Кровавым Цезарем» – красной жидкостью и торчащей из нее зеленой веточкой сельдерея, а также двойная порция коктейля из креветок в чашке на тонкой ножке. В глубине чашки лежала густая томатная смесь, бело-розовые креветки висели по краям хвостиками наружу. Паркер брал их за хвостики, макал в соус, отправ-

лял в рот и запивал из стакана. Запивал небрежно – жидкость стекала из уголка рта, как кровь у вампира, он вытирал ее ладонью, хотя салфетка лежала рядом.

Неряшливость – типичная черта людей, плюнувших на себя и общество. Они «забывают» смывать туалеты, вытирают руки о занавески и могут даже испражниться за слотом. Таких не приветствуют в казино, однако, к данному клиенту Алекс не придирался: Паркер был завсегдатаем заведения, а завсегдатаям прощают больше, чем простым смертным. Он был любопытен, имел острый глаз и замечал то, что пропускали менеджеры зала. Болтовня с ним приносила пользу – иногда практическую, иногда психологическую, отвлекавшую от серьезных тем. Никогда не знаешь.

Встреч с Паркером Алекс не избегал. Подошел к стойке, скромно встал в конце ее, отдал туфли на хранение Тому – второму бармену, который обслуживал посетителей, пока Джон их развлекал.

- Положи в пакет, я попозже зайду, заберу. И сделай мне безалкогольного мохито, – сказал Алекс.

Глядя, как смачно Паркер употребляет креветки, подумал – на одном мохито он далеко не уедет. Все-таки следовало поесть, чтобы голодный желудок не теребил, как скучающий ребенок теребит родителя: поиграй, почитай, расскажи, покажи... Ребенка надо чем-то занять, желудок тоже. Алекс добавил к заказу энчиладу с курицей и тут же оплатил – таково правило его казино: платят все сотрудники без исключения. Сделаешь исключение для себя, его сделают для себя и остальные. Воспитывать персонал надо не инструкциями, а своим примером, лучшего способа еще не придумано.

- Привет, Стив, как дела? – спросил Алекс.

Обычное начало, дань вежливости. После чего можно было заниматься своими делами: есть, пить, разговаривать по телефону, отдавать распоряжения или тупо смотреть зал, пока Паркер, будто заведенный, выкладывает последние новости и свежие сплетни, разбавляя их рассуждениями, осуждениями, жалобами... Короче, у него начинался «словесный понос» – по его собственному определению.

- Привет, Ал! Да какие дела... Устал. Зато заработал. Деньги есть – можно поесть. Вот вознаграждаю себя за тяжелый труд. Сегодня шестнадцать браков заключил. Больше меня только Барак Обама. Этот пронырливый китаец похож на нашего бывшего президента как брат-близнец. Даже ростом. Что непонятно – китайцы обычно малорослые. Наверное, пекинскими утками в детстве объедался... Похоже, он задумал отнять мой бизнес или, во всяком случае, здорово потеснить. А мне снижать прибыль нельзя, я только что завел новую...

- Любовницу? – подсказал Алекс и, чтобы скрыть улыбку, нагнулся откусить энчиладу.

- Упаси, Господи! Новую машину. Не до любовниц теперь. Я уже не тот шустрый мальчик, который жонглировал женщинами, как игровыми фишками. Я одинокий, толстый, хромоусый, подбитый жизнью и оставленный медленно умирать на берегу. Мой старый Роджер теперь может только писать. Не реагирует даже на проституток, которые танцуют тверк между автомобилями в пробке. «Сперма-вечеринки» больше не для меня, к сожалению. Кстати, про сперму...

Паркер отпил «Цезаря» через трубочку, подцепил креветку, обмакнул в соус, положил в рот. Быстро прожевал, проглотил – паузу в разговоре нельзя затягивать, иначе собеседник заскучает и уйдет, выговориться не успеешь.

- Видел я, как ты за той красоткой шествовал через все казино. Удалось познакомиться?

- Не удалось. Ты ее знаешь?

- Вроде, видел... но где и когда – не скажу. Память стала, как женская сумочка: ты знаешь – ЭТО лежит там, но не знаешь – где. Уверен, ты ее найдешь. В наш век нет ничего невозможного: из женщины превратиться в мужчину, как дочь-сын Шер, или из желтолицего азиата – в чернокожего президента, как тот китаец. А когда ты ее найдешь, и вы поженитесь, прими

совет: ни в коем случае не присутствуй на родах - аттракцион не для нашей слабой мужской психики. Кстати, ты уже это испытал?

- Нет, был в тот момент в отъезде.

- А я один раз присутствовал и чуть в обморок не упал. Бедный ребенок... вылез весь в крови, слизи, каких-то ошметках... прямо-таки зародыш чудовища из фильма «Чужой». А на что походила вагина моей любимой женщины... Боже мой... вместо прекрасного храма любви – мокрый, окровавленный ежик, - сказал Паркер и положил в рот новую креветку. – Я тебе не испортил аппетит случайно?

- Не испортил.

- Тогда продолжу эту невкусную тему. – Паркер подцепил еще одну креветку, махнул ею в воздухе, будто художник, рассуждающий о высоком искусстве. - В женщине должна оставаться загадка, тайна, которую хочется открывать. А роды – такой момент, когда женщину выворачивает наизнанку, и далеко не каждая желает предстать в разодранном виде перед мужем. Ты же не хочешь, чтобы она наблюдала – как из твоего ануса вырезают полипы.

Паркер положил креветку в рот, пожевал, смачно чавкая, проглотил и продолжил:

- Вообще я преклоняюсь перед женщинами, которые соглашаются на нечеловеческую боль, чтобы родить наших потомков. Мужчины в этом смысле слабаки. Не умеем терпеть. Едва температура подскочит до тридцати семи – мы уже не встаем с постели, до тридцати восьми – готовимся умереть...

Но при всем моем уважении, я потом так и не восстановил обожание к жене, через год развелся. Не знаю, почему присутствие мужчины при родах в Америке стало обязательным. Я бы запретил. Вообще у нас слишком много идиотизма и слишком мало правил, которые его ограничивают. Это я тебе как гражданин самой свободной страны говорю. Запреты еще никому не навредили. Например Трамп – не позволил размещать игровые автоматы в своем отеле и ничего. Единственный отель без казино в Лас Вегасе процветает... В отличие от меня.

- Ну, ты, вроде, тоже неплохо зарабатываешь.

- Раньше – да, когда силы были и кураж. Я ведь до Лас Вегаса в Нью Йорке работал, в департаменте здравоохранения, в отделе статистики. Зарплата хорошая, работа скучная. Сидел я и плесневел от тоски. Кстати, ты знаешь, что за год в Америке до пятисот человек погибает, свалившись с кровати в медучреждении?

- Не знал. Да и зачем это мне?

- Ну, на всякий случай. Попадешь в больницу, не пытайся встать с койки самостоятельно. Впрочем, с таким же успехом можно умереть или покалечиться у себя дома, поскользнувшись в ванной. Тридцать миллионов случаев в год. Вот такая сухая наука статистика – кому она, собственно, нужна? Все эти цифры и таблицы, которые никто не просматривает, выводы и рекомендации, которые никто не выполняет. Надоело мне. Прямо-таки до тошноты. Смену сезонов не замечал: зимой начну годовой отчет составлять, голову подниму – уже весна. Закончил квартальный отчет, глядь, а лето прошло. Пора к Рождеству готовиться. Я дни рождения детей и жены забывал. Да что там! Забывал – сколько мне самому исполнилось.

Короче, чтобы взбодриться, стал я летать в Лас Вегас – поначалу раз в год в отпуск, потом три-четыре раза, потом почти на каждый выходной. Привлекал меня этот город-праздник, нашептал сказок-небылиц. В конце концов уволился оттуда и переехал сюда. Работы в департаменте не нашел, там все схвачено и разделено между своими, пошел в Элвисы. Купил абонемент на заключение браков, место в Счастливой Маленькой Часовне, стал зарабатывать хорошие деньги. И так же хорошо их тратить – в казино или борделях.

В удовольствиях себе не отказывал. На работу ходил с улыбкой. Я тогда худее был в два раза и голос имел. Популярным был у брачующихся. Вручу им документ и как спою свою любимую: «Ты сегодня одна...» (Are you lonesome tonight...) – они в восторге, я при деньгах.

До тридцати свадеб проводил, один раз даже рекорд поставил – сорок две за один день. Я полюбил Элвиса, как Спасителя. Он мой Отец, Сын и Святой Дух.

- Веришь, что он жив?

- Телом, может, и нет, а душой - да... она же бессмертна. Мы с ним духовно схожи. Я, как и он, разочаровался в жизни, подсел на снотворные и обезболивающие. А также алкоголь и вредную еду.

- Хочешь так же закончить – упасть в туалете и умереть в одиночестве?

- Не хочу, но, видно, придется. Я теперь не тот, что двадцать лет назад. Здоровье подводит, лень одолевает - воюю, но она все чаще выигрывает. Конкуренты опять же... Молодежь выдавливает стариков из бизнеса. На пенсию идти – не выход. Социальная мала, дополнительной не накопил. Вон сколько пенсионеров по тротуарам сидят, милостыню просят. Хотя, не все из них по-настоящему нищие. Просто привыкли к халяве. Напишут на бумажке «три дня не ел, помогите, подайте на гамбургер». Ему накидают, а он тут же в казино – шашь! И просадит всё до цента. Потом опять на улицу идет.

Вот такой круговорот денег в Лас Вегасе. Даже доктора в нем участвуют. Недавно ходил я к одному тайскому целителю. Он выслушал жалобы и как начал расписывать свои чудодейственные препараты - дорогие, зато действенные. Чего только ни обещал вылечить: и диабет, и катаракту, и запор, и ревматизм. Только молодость вернуть не обещал... Я послушал-послушал и ушел.

Лас Вегас – не сказка, а город-фейк. Кругом обман, кругом продажа и покупка. Каждый желает на тебе поживиться. Тому дай, иначе не получишь красивый вид из окна, этому дай, иначе плохо помоешь машину. Привлекательная женщина – обязательно или проститутка, или порно-актриса...

Алекс вдруг прекратил жевать и собрался ответить что-то резкое, будто Паркер оскорбил ЕГО девушку, ту самую «фею долин». Вовремя остановился. Паркер не ЕЕ имел ввиду. Его слова к ней не подходят.

Когда Алекс изучал гостиничное дело, особенно увлекался предметом «деловая психология», желая научиться угадывать настроение партнеров и инвесторов по выражению лица.

На лице главное – глаза.

Незнакомка – не проститутка, у нее глаза не продажные.

Хотя... никогда не знаешь.

Нет, лучше о том не думать. Если о чем-то не думаешь, этого, вроде, и нет. Промолчал, а то Паркер заведется с извинениями еще на полчаса, а энчилада уже заканчивается, два укуса осталось.

У Паркера максимум две минуты. Пусть пока продолжает.

- Швейцары и вальтеры в гостиницах – вымогатели. Не дашь «на лапу», сделают вид, что не замечают... Кстати, а что это у тебя вид такой потухший?

- Да... устал, наверное, не ел целый день.

- Я тоже злой, когда голодный. Ну хочешь, я тебя обниму? Сразу подобреешь. Говорят, помогает. Я по телевизору смотрел: в Японии целый бизнес есть. Обнимашки. Без секса. Полтора часа объятий - 75 долларов. А я тебя бесплатно. Ха-ха-ха!

- Иди своего Барака Обаму обнимай! – улыбнулся Алекс. – А то у вас начнутся «звездные войны», нам потом разруливать. Ну, пока! – Вытер губы салфеткой, допил мохито, махнул рукой Паркеру и направился в секьюрити рум - вотчину Боба Райера.

- Боб, выведи мне записи с камеры над входом в казино, с внутренней стороны, за последний час, - попросил Алекс и устроился перед экраном наблюдать за потоком посетителей. Отда-

вать распоряжение найти незнакомку на других камерах не спешил – не стоит привлекать служащих к своим личным делам.

Прокрутил колесиком мышки, ускоряя видео, и вскоре наше то, что искал. Незнакомка в красных туфлях и платье с юбкой-колоколом идет походкой укротительницы удачи и победительницы судьбы. Голову держит по-королевски прямо, интересно – ей корона лоб не трет?

Черт, самоуверенности девушке не занимать. К сожалению, висящая над дверями камера не может как следует запечатлеть лицо. Ну подними головку, красавица... хоть на мгновение...

Девушка будто слышала мысли Алекса и глянула прямо в объектив, показалось – с насмешкой. Отлично. Остановил видео, распечатал на фотобумаге снимок – размером чтобы входил в нагрудный карман. Подозвал Боба.

- Ты ее видел у нас когда-нибудь?

Тот взял снимок, пригляделся.

- Видел. Два-три раза. Очень заметная девушка, фигура как у Барби. Нет, лучше. Она бы украсила собой любое шоу ангелов «Виктория Секрет» без единого павлиньего пера. А кто это? Мошенница? Помощница шулера? Воровка?

- Нет. Нет. Просто мне нужно ее разыскать... по делу, - по какому «делу» - Алекс и сам не знал, придумал на ходу: - Она забыла телефон в баре, надо ее найти и вернуть.

- Понял.

- Если еще раз увидишь, сообщи мне немедленно.

- Хорошо.

На стене секьюрити рум светились цифры электронных часов 22-22. Все цифры по парам, и они будут верны друг другу одну минуту или целый час, а потом их союз распадется, и каждая цифра пойдет своей дорогой. Все как у людей, во всяком случае в окружении Алекса ни одной супружеской пары, продержавшейся более трех-четырёх лет не имелось.

Непостоянство – примета нашего времени. Раньше люди сохраняли брак, даже неудачный, по разным причинам: религиозной, политической или финансовой, теперь старые причины отпали, а новые не появились. Теперь женщины слишком самостоятельны, чтобы соглашаться на условия замужества, которое всегда означает ограничение прав, а мужчины слишком эгоистичны, ленивы или просто жадны, чтобы тратить энергию и деньги на семью.

Легче завести подружку на вечер, весело провести время и расстаться без взаимных обязанностей и обид. Но, кажется, этот период необременяющих встреч (вслед за неудачным браком) для Алекса закончился. Еще раз взглянул на фото незнакомки, провел пальцем по ее волосам.

Хорошо бы погладить их по-настоящему...

Да, было бы неплохо провести сегодня вместе пару часов, чисто ради знакомства. В одной популярной передаче, где перед Рождеством устраивают встречи влюбленных, друзей или членов семьи, которые давно не виделись, есть слоган «в Рождество никто не должен быть один». Алекс перефразировал бы: «в субботний вечер никто не должен быть один». Почему-то именно в субботу вечером одиночество особенно остро ощущается...

Если бы сегодня не тянулось вечно,

Если бы завтра не длилось долго так,

Не был, как тропа, извилист вечер,

Ты бы понял: одиночество – пустяк.

Старик Дилан знал толк в одиночестве...

Глупости. Алекс не одинок. Просто... что-то взгрустнулось. Компании захотелось – не дружеской, не семейной, а... по-домашнему теплой, интимной, чисто женской. Не только для постели. Может... для чего-то большего... долгого... с человеком, к которому хочется возвращаться.

Надоели одноразовые девушки. Одноразовые отношения. Не отношения даже, а краткосрочный контракт: она тебе секс, ты ей парочку «джонсонов» (если обычная девушка) или стопочку «бенджаминов» (если элитная). Она хоть и не лежит, как бревно с глазами, но делает только необходимое, выполняя свою часть контракта, чтобы ни придрататься, ни пожаловаться не было причин. Оставляет дверь приоткрытой - для следующей встречи. На тех же условиях.

Которые Алексу осточертели.

Хочется чего-то другого. Человеческого, не делового. Чтобы чувства испытывать, а не только физиологию удовлетворять. Чтобы погрузиться с головой, ни о чем другом не думать, даже имя свое забыть. Хочется прикосновений - легких, лишь подушечками пальцев, но от них мурашки по коже и мышцы содрогаются, как от слабого удара током.

Поцелуев – горячих, влажных, заставляющих сердце чаще биться в груди. Оно разгоняется, как марафонец, выскакивает из клетки и несется вперед, а ты следом и боишься, что не догонишь, и радуешься – высокой, почти святой радостью, потом вдруг взлетаешь и переносишься в другой мир, в какое-то нереальное состояние между сном и явью.

Тело больше не подчиняется разуму, живет ощущениями, они накатывают одно за другим, как теплые волны – и вы качаетесь на этих волнах, как единое целое, и ты благодарен ЕЙ за это. Благодарность наполняет сердце, переполняет и выливается через край, а кровь разносит ее дальше по телу, по всем клеточкам, молекулам, атомам. Ты любишь весь мир, и мир любит тебя. И нет вокруг ничего материального, только свобода, свет, счастье...

Может, Алекс уже созрел для... большого и настоящего...

Да причем тут это?

Просто надо ЕЕ найти.

Он найдет ее – есть, как минимум, два варианта. Можно обратиться к офицеру Марии Лопес из местного полицейского управления на Стюарт стрит. Пару раз у них случался секс, потом интимная связь прекратилась, осталась только деловая – на взаимовыгодной основе. Мария пробила бы фото незнакомки по полицейской базе: если та хоть раз просрочила штраф за стоянку в неположенном месте, ее данные будут там.

Одно «но». Сейчас пол-одиннадцатого. Поздно звонить Марии по личным делам – она может расценить это как предлог, чтобы переспать.

Зато не поздно позвонить Дэнни. Раньше двенадцати он не ложится и никогда не отказывается помочь хотя бы советом. Алекс достал телефон, нашел имя друга в списке контактов, нажал кнопку вызова. После четвертого сигнала раздался хриловатый голос Дэнни:

- Привет, Алекс, что-то срочное?

- Ннет... впрочем да. Личное. Ты у себя?

- Собрался уходить. Неважно себя чувствую. Но поднимайся, подожду. Только сразу, не задерживайся.

- Через полминуты я у тебя.

Контора Дэнни находилась примерно в середине здания, на четырнадцатом этаже (фактически – тринадцатом, но цифра «13» в казино отсутствовала по причине предрассудков). Пять секунд на лифте, который передвигался чуть быстрее, чем два этажа в секунду. Алекс уложился бы в обещанные полминуты и без задержек вошел бы в его кабинет, но как всегда, когда спешешь, становишься вдруг всем нужен.

На выходе из секьюрити рум почти столкнулся со своей помощницей Джиной Перри. Она выполняла обязанности его правой руки, то есть была незаменима во многих областях: как секретарша (интим строго воспрещен), менеджер по персоналу, наблюдатель за финансами, она же решала хозяйственные вопросы, которые не требовали вмешательства босса. Джина была вторым человеком в казино после Дэнни, которому Алекс полностью доверял.

Доверие начальника трудно заслужить на любой работе, где крутятся деньги, а в казино особенно. Соискателей административной должности просвечивают насквозь, как ЦРУ - буду-

щих разведчиков. Здесь, как и там, они должны уметь угадывать психологический портрет клиента, заводить друзей, распознавать врагов. Проверяется также наличие здоровья и компрометирующих родственников.

Алекс учитывал еще происхождение. Человека из нищей среды до работы в казино допускать категорически нельзя: это все равно что сообщить вору код от сейфа, где золото лежит - жажда обогатиться любым, чаще всего несправедливым, путем они впитывают с молоком малокровной матери и бранью вечно пьяного отца.

Набором персонала высшего звена Алекс занимался сам и ставил условие: чтобы получить должность, они должны набрать одиннадцать очков из десяти возможных. Джина раньше работала менеджером зала в казино «Ривьера», а когда его взорвали, принесла оттуда такие рекомендации, что хоть в Белый дом госсекретарем. Алекс уже был наслышан о ее качествах (в частности, от «Элвиса» Стивена Паркера) и вкупе с рекомендациями дал ей сразу пять очков форы. Следующие пять она получила после короткого собеседования.

- Назовите столицу Джорджии, - предложил Алекс с подвохом.

- Штата или страны? – уточнила Джина. И тут же заработала дополнительный, жирный плюс. То, что существует где-то на задворках планеты страна с тем же названием, что и штат, знает едва ли полпроцента населения Америки.

- И того, и другого.

- Атланта и... - Джина задумалась на пару секунд. - ...Тэбилиси.

Еще пять баллов. Знать географию на уровне доцента университета жизненно необходимо работнику заведения, куда съезжаются люди со всего света. По очкам она уже прошла, оставалось выяснить происхождение, в котором Алекс, впрочем, не сомневался.

Родители (и отец, и мать) служили пасторами в баптистской «черной» церкви штата Иллинойс. Джина, ее трое братьев и сестра с детства посещали службы – не строгие, чопорные, как в католических храмах, но по-домашнему теплые, уютные, как вечеринки у бабушки.

Откуда разница?

Церкви для белых создавали богачи, чтобы держать бедняков в страхе и наживаться на этом, а «черные» церкви создавали рабы, чтобы объединиться, найти крупинку радости в своем беспросветном существовании и вместе выжить, потому как угроз и наказаний имели с лихвой, а денег ни цента.

«Бог не обещал легкой жизни, потому лови мгновения счастья и радуйся, что живешь». На службах пели, танцевали, обнимались, смеялись, а когда кто-то умирал, не плакали, но благословляли Господа, получившего еще одного ангела в свою свиту. Из церкви выходили с поднятым указательным пальцем – символом возрождения и всепобеждающего добра.

Оптимизм, который помог черным рабам выжить два века назад, помогал Джине выживать сейчас и даже продвигаться в жесткой иерархии казино, где конкуренция жестче, чем на конкурсе «Мисс Вселенная». На конкурсе действуют топорно: сыплют толченное стекло в туфли сопернице, подкладывают бутылку с отравленной водой или режут на куски бальное платье.

В казино действуют тоньше, все-таки интеллект там повыше: распространяют порочащие слухи, воруют идеи и выдают их за свои, создают ситуации, чтобы противник не справился и оказался в немилости у начальника. К тому же «цветных» здесь по-прежнему недолюбливают, а женщин вообще считают «низшей» расой, хотя вида не подают. Превосходство «белых», культивируемое в Америке веками, все еще дает о себе знать, особенно в рабочих коллективах, где остра конкурентная борьба.

С детства впитанная доброжелательность помогала Джине сглаживать острые углы в отношениях, врагов обращать если не в друзей, то в нейтральных наблюдателей. А железный характер, полученный от предков, помогал ей продвигаться не с помощью извечного женского способа – секса с «нужными» людьми, но с помощью ума и веры в себя.

Хотя внешности ей было не занимать.

Джина представляла из себя блестящий пример естественного отбора, вернее – мужского выбора, когда на протяжении десятков лет мужчины выбирали себе в жены красавиц, не обращая внимания на происхождение. Флорентийский художник, «монах-сластолюбец» Филиппо Липпи написал бы с нее портрет негритянской мадонны – чисто по-женски прелестной и непозволительно сексуальной.

Блестящая, светло-коричневого цвета кожа – будто Создатель облил ее карамелью, оставив белыми только глаза с чернильными каплями зрачков и сияющие, как жемчужины, зубы. На щеках, сквозь основной цвет проступали красноватые оттенки – вполне вероятно, что в прошлом, в смесь черной и белой кровей добавилась индейская составляющая.

Черты лица в меру крупные, но не грубые, полные гармонии, которой позавидовала бы главная жена фараона, знаменитая Нефертити – «красавица, которая пришла». Джина была первой «цветной» женщиной, которая пришла на руководящую должность в «Золотую Лихорадку» и оказалась красавицей в придачу к интеллекту.

Волосы она зачесывала назад, собирая в художественный пучок. Тело, склонное к полноте, типично африканского строения – с круглыми подушками ягодиц и крепкими дынями груди она поддерживала в форме с помощью танцев Зумба.

Если бы ее увидел отец-основатель Томас Джефферсон, то забыл бы клятву верности умершей жене и посчитал бы за величайшее счастье жениться на Джине. А также, еще в восемнадцатом веке даровал бы рабам свободу только за то, что их народ способен к производству подобных человеческих шедевров.

Джина тронула Алекса за локоть, намекая – остановись.

- Наконец-то я тебя нашла, - проговорила с облегчением.

Ее обычная приветливая улыбка сейчас выглядела служебной, натянутой, кончики рта подрагивали, выдавая легкое волнение. Она, одна из немногих, имела право в экстренных случаях, связанных, например, с угрозой жизни или здоровью клиентов, звонить на личный мобильный телефон Алекса. За три года она сделала это только один раз – когда стало плохо одному из участников конкурса на поедание «инфаркт-гамбургера», и его увезла машина «амбуланс». Сейчас тоже был «экстренный» случай, но не смертельный, догадался Алекс.

- Что случилось?

- Кевин, метрдотель, прибежал в панике. Неожиданно приехал крупный «кит», а президентский номер занят еще два дня.

- Насколько крупный?

- Миллионер, может даже, миллиардер.

- Русский или техасский?

- Арканзасский.

- Так...

Алекс отвел взгляд от ее глаз, в которых блеснули беспокойные искорки, и, чтобы не заразить ее тревогой, посмотрел на затемненные, матовые окна секьюрити рум. Темнота помогала мыслям сосредоточиться и не мельтешить. Мозг, натренированный на решение проблем, быстрее находит выход.

– Дайте ему мой личный, запасной номер, сыграйте на саксофоне и скажите, что это любимая мелодия Клинтона. А там посмотрим на его поведение в игровом зале.

- Хорошо. – Джина медлила уходить. – Я еще хотела... спросить...

- Спрашивай, только быстро. – Алекс уже сделал шаг вперед, показывая «я тебе помог, дальше сама, мне некогда».

Он знал – что именно Джина хотела спросить. Нечто вроде «у тебя уже есть компания на вечер?» или «не хочешь ли вместе продегустировать новый шардонне из Чили?». Он догадывался, вернее, знал почти наверняка – Джина к нему равнодушна, однако, взаимностью не отвечал.

Во-первых, на внеслужебные отношения с персоналом высшего звена он наложил само-запрет и соблюдал, будто под угрозой электрического стула. Во-вторых, Джина была слишком яркой, подавляюще-красивой, что означало: везде, где они появятся вместе, его будут воспринимать не как главное действующее лицо, а как приложение, вроде «бойфренда Тейлор Свифт», которых называют обезличенно «свифти».

В-третьих... -пятых... и -десятых – у него уже есть... незнакомка. Ну, «есть» - сильно сказано. Пока только фото.

Сигнал до Джины дошел.

- Нет... ничего... - сказала, развернулась и поцокала каблучками в сторону лобби-бара, где ее наверняка ждали Кевин и «кит» из Арканзаса.

Джина растворилась в человеческом потоке, но из него тут же вынырнул менеджер по культурной программе Мэтью Кокс и сделал знак Алексу остановиться. Они что – сговорились сегодня? Пришлось опять замедлить шаг. Если у работника есть проблема, Алекс должен ее решить, по мелочам к нему не обращаются.

- Привет, Мэт, что у тебя?

- Привет, Ал, - ответил Мэт с извиняющимся наклоном головы в точности, как делал тот обаятельный актер из сериала «Друзья», который недавно умер. – Прости, что отвлекаю, но без тебя никак. Мы собирались на новый сезон заключить контракт с Бритни Спирс. Она, вроде потеряла популярность и снизила требования. Но недавно выпустила книгу и удвоила сумму гонорара за выступления. Мы не потянем. Кого, думаешь, можно пригласить вместо нее?

- Ну... даже не знаю сразу так... А дело срочное?

- В общем да. В понедельник уже надо начинать переговоры, завтра воскресенье, сам понимаешь, все «звезды» на уикэнде.

- Хорошо. Давай помозгуем. Надо мужчину или женщину?

- Ну, тут разные факторы играют роль. Если женщину, то известную по реалити-шоу или скандальным сообщениям в новостях. Но не звезду типа Бейонсей, такие только «Сезар Пэлэс» или «Винс» по карману, зато приносят фантастическую прибыль, конечно. А если мужчину, то...

- Я понял. Чтобы выглядел сексуально и обладал харизмой, которая нравится дамам после восемнадцати. Джастин Бибер не подойдет – он кумир тинейджеров. Бруно Марс – опять слишком дорогой... Тогда кого?

- Может, группу «Train» попробовать? Они не так давно выдали хит «Девушка в синих джинсах». Собрали миллионы просмотров на ютубе. В основном, благодаря брутальному Мачете – он сыграл главную роль в клипе. Его тоже можно пригласить. Думаю, мексиканец не откажется легким способом заработать пару тысяч баксов. И добавить к ним пару сотен, раздавая автографы и фотографируясь с пожилыми фанатками.

- Хорошо, Мэт. Действуй.

Алекс поспешил закончить разговор, хотя не любил решать бизнес-вопросы на ходу и второпях, но сегодня личное было на йоту важнее делового. Когда уже подходил к лифту, позвонила Энн.

- Дорогой, ты не помнишь голландского названия куста, который растет у меня в беседке? Цветет мелкими бело-розовыми цветочками, а по осени образует маленькие, красные ягодки. Они очень полезные, кстати. Для пищеварительного тракта, а особенно для мочевого пузыря...

- Я и английского названия не помню, а зачем тебе? – Алекс вздохнул, отодвинув трубку, чтобы не слышали на том конце. Ясно, Энн тоже одиноко сегодня, решила поболтать с сыном, но ему сегодня (редкий случай) не до нее.

- Ингрид спрашивала. Ты ее, возможно, помнишь, живет от меня через квартал. Завтра собиралась на цветочный рынок, хотела купить для себя такой же. Звала меня с собой, но... знаешь, не хочу таскаться по жаре, потом обливаться. Лучше посижу дома, чтобы встретиться

с тобой за ужином свежей, не вспотевшей. Ты еще не передумал идти в японский ресторан... а то я отменю бронь.

- Не передумал. Мам, прости, мне сейчас неудобно разговаривать. Давай завтра увидимся и обсудим все вопросы.

- Хорошо, сынок, - сказала безо всякой обиды Энн и попрощалась на брабантском сленге голландского языка: - Гау ду.

- Бай, мам. – Алекс нажал красную кнопку, потом залез в настройки и полностью отключил телефон.

В лифте он ехал с толпой подвыпивших гостей из Китая – они были на полторы головы ниже его, болтали все одновременно, размахивая руками и не слушая друг друга, как дети, попавшие в сказку и желавшие побыстрее поделиться с миром своими впечатлениями. Алексу тоже пришлось улыбнуться, чтобы не портить им настроение, не стоять с несчастным видом – будто потерял любимую собаку или проигрался до дыр в кармане.

На четырнадцатом этаже он вышел последним, свернул налево, дошагал до последней двери, открыл ее пластиковой картой, которая существовала в двух экземплярах и подходила к двери его кабинета тоже. По взаимной договоренности они с Дэнни заходили друг к другу без стука, но по предварительному звонку. Когда же отлучались из кабинета, запирали его на кодовый замок - у каждого свой.

Алекс вошел и застыл перед картиной: с помощью свернутого в трубочку «джексона» Дэнни загребал в нос полоску белого порошка, лежавшую на фотографии жены с детьми. Ничуть не смутившись присутствием гостя, Дэнни откинулся на кресле, потер ноздри, весело глянул на компаньона.

- С тобой наркоманом стану. Пока ждал, три полоски занюхал. Будешь? У меня еще есть.

- Нет, спасибо. Я думал, ты завязал. – Алекс был в курсе: раньше друг использовал кокаин как болеутоляющее и отвлекающее после многих операций на ноге.

- Зачем завязывать с тем, что доставляет удовольствие? Впрочем, я его строго контролирую – только одна доза и только раз в неделю, по субботам.

- Я лучше воды выпью.

Пока Алекс доставал из холодильника содовую без газа, наливал и пил, Дэнни приводил в порядок рабочее место. Микрофибровой тряпкой протер фото и вернул на место возле органайзера, смахнул белую пыль со столешницы, заодно протер лежавший там твердый, адвокатский портфель из крокодиловой кожи, на трех пряжках, надежный, как переносной сейф. «Качество, которому будут завидовать ваши конкуренты» - стояло в рекламном проспекте портфеля и, как ни странно, соответствовало действительности.

Дэнни вообще любил качество и умел разбираться – где оно настоящее, а где подделка, хотя и дорогая. Одежда, еда, часы, машины должны были демонстрировать его состоятельность. Сказывалось нищее детство, когда донашивал одежду за старшим братом, и студенчество, когда вместо каникул на теплых флоридских берегах он работал посудомоем в ресторане отчима. Алекс ему помогал – не от желания заработать (хотя оно тоже присутствовало), а из дружеской солидарности.

Представитель пятого поколения эмигрантов из Италии, Дэнни женился на добропорядочной, чистокровной итальянке из Арлингтона (штат Массачусетс), познакомившись с ней в университете и заранее обсудив важные вопросы совместной жизни, как то: чтобы детей не меньше трех, по воскресеньям всем вместе ходить в церковь, праздники отмечать большой семьей, включая близких и дальних родственников, спагетти есть не реже одного раза в неделю и так далее.

Женившись и обеспечив Ромине достойное существование, он так же достойно ей изменял – не жонглируя любовницами, как бильярдными шарами, но имея одну на постоянной

основе. Впрочем, иногда он все же отклонялся от программы, но тоже очень качественно – так, чтобы никто не догадался.

Никогда не бывавший на родине предков, Дэн унаследовал их художественный вкус. Одежда, обувь – скромное очарование классицизма, не выходящего из моды (Армани, Версаче), машина Феррари (естественно), вино Бароло – «мощный вкус, крепкий цвет». Мебель даже в рабочем кабинете – из темного ореха, в колониальном стиле, Дэнни специально заказывал в популярном магазине «Гранд Италия» и ждал полгода, в отличие от Алекса, который ограничился набором из Икеа, сам привез и сам собрал.

Дэн тщательно вытер салфеткой нос, надел пиджак, посмотрел на себя в зеркало.

– Два дня не брился, а пиджак уже сидит, как ворованный. И голос хриплый, как у Дона Корлеоне.

– Почему не брился?

– Раздражение от нового афтершейфа. Сколько раз говорил Мине, чтобы не покупала с ароматами, она все равно... Любит, когда пахну чем-то свежим. Мой естественный запах ей, видите ли, не нравится. А денежки мои тратить ей нравится... Ну ладно. Ты чего так поздно? – спросил, наконец, по делу Дэнни и тут же предупреждающе протянул вперед руку – Только близко не подходи, а то заразишься. У меня сопли и кашель. Может, аллергия, может, грипп. Я сегодня на совещании прямо под кондиционером сидел, наверное, продуло.

– Тогда я без предисловий. – Алекс вытащил фото, протянул Дэнни. – Ты ее знаешь?

Дэн скользнул глазами по фото.

– Нет, – быстро сказал он, отвернулся к зеркалу, провел рукой по волосам, одернул пиджак, показывая – это все, я свободен?

Слишком быстрый ответ и нервные движения вызвали подозрения у Алекса. Когда они еще только начинали вместе, договорились быть друг с другом в вопросах бизнеса предельно искренними. В том заключалась одна из причин их успеха. Но данный случай относился к личной сфере, в которой абсолютная честность... была желательна, но не обязательна.

– Ты даже не взглянул как следует.

Дэнни послушался и «взглянул как следует». Незаинтересованно пожал плечами.

– Фото нечеткое... А что она натворила?

– Только то, что очень мне понравилась.

Кажется, догадка Алекса верна – девушка на фото знакома Дэнни. Открытие и обрадовало, и огорчило одновременно. У Дэна, кроме общего, был свой бизнес – парочка борделей и процветающее «эскорт-бюро». Алекс, в свое время, тоже приобрел отдельную собственность, только в другом направлении, чтобы не составлять конкуренцию другу. Может, зря... Но неужели она...

Дэн перебил его мысли.

– Чего ты хочешь от нее? И от меня?

Действительно – чего?

– Ну... встретиться... поговорить...

– Или сразу переспать?

– Ну... как получится.

– Послушай, Ал. Я посмотрю, что можно сделать. Но ничего не обещаю. Дело деликатное...

– Да что тут деликатного? Позвони, прикажи. Она у тебя в том самом, падшем «Голубом ангеле» работает?

– Во-первых, он не падший, а эксклюзивный. Клуб только для своих. Во-вторых... ну неважно. Все не так просто, как ты думаешь... – Дэнни замолчал, подбирая слова поделikatнее.

– ...честно сказать, не нравится мне твоя просьба.

– Что в ней такого... нехорошего?

- Ну... девушка эта... не совсем в порядке.

- Она что – больна?

- Она-то нет. Но делает больными мужчин, которые с ней встречаются. Она заражает их любовью к себе и...

- Насчет меня не волнуйся, имею стойкий иммунитет к женским чарам, - уверенно сказал Алекс, но внутри засомневался. Вирус ее очарования уже проник в него – всего лишь после нескольких минут знакомства... и не знакомства даже, а мимолетного общения...

Что же будет потом?

А будет ли это «потом»?

- Не беспокойся, Дэн, я взрослый мальчик, сумею за себя постоять. Просто дай мне ее номер или организуй встречу. Если надо заплатить – без проблем. – Алекс придал голосу как можно больше беспечности.

Дэнни посмотрел на него с сомнением в адекватности, пожал плечами – о кей, мое дело предупредить. И лучше удовлетворить просьбу, иначе друг начнет искать ее по своим каналам, наделает шума.

- Хорошо. Ничего не обещаю, но постараюсь. И предупреждаю: играю роль брачного агента один раз. Получится или нет - дам знать в ближайшее время. Ты никаких шагов не предпринимай пока.

- Понятно. Спасибо. Ну, не буду тебя задерживать. Выглядишь и правда хреново.

- Представляешь, совершенно случайно встретила вчера на Бульваре подругу детства Саскию... фамилию уже не помню, мы с ней до четвертой группы в школе вместе учились. – Энн замолчала, чтобы хорошенько прожевать только что отрезанный кусок мраморного стейка. Прожевала, проглотила, приложила указательный палец к губам, будто приказывая им не раскрываться до того момента, как стейк благополучно упадет в желудок. – Мы и потом еще иногда встречались на студенческих вечеринках, а потом я вышла замуж за твоего отца и уехала в Америку...

Алекс ел мясо и не ощущал вкуса, слушал Энн и не слышал, смотрел на нее стеклянными глазами человека, который только что принял дозу мескалина – кактусного галлюциногена. На самом деле Алекс принял сегодня дозу сумасшедшего дня. Началось с самого утра, вернее еще с вечера, когда лег и не смог заснуть. Истязал себя мыслями, как плетью. Всё – о НЕЙ. Достал из нагрудного кармана фото, поставил на ночной столик и смотрел с тем же обожанием, с каким Леонардо, возможно, смотрел на свою Мону Лизу.

В голове вместо покоя - мешанина... мечты, страхи, предположения, надежды сменяли друг друга, толкались, спорили, даже вступали в драку. Что, если Дэн раздумает и не захочет знакомить его с ней... Что, если ОНА не захочет... она же сказала – мы больше не увидимся или что-то вроде того... Почему она это сказала? Что заставило ее заняться таким неблагоприятным ремеслом? От хорошей жизни девушки шлюхами не становятся, однако по ней не скажешь, что сидит в жо... то есть в нужде.

Но что бы в ее жизни ни произошло: какая-то крупная неудача или даже трагедия со смертельным случаем, Алекс готов помочь. Он вытащит ее из дерьма, отряхнет, отчистит, заставит сиять счастливым светом грустные глаза этой «феи долин».

Он осушит слезы, выключит дождь и засветит радугу на небе – только для нее одной. Он вырвет ее из обыденности, как из густого, липкого тумана, подарит небо в розах вместо звезд, возьмет с собой в места, куда не ступала нога других его девушек. Вместе они испытают приключения – настоящие, неожиданные, в дикой природе, а не в парке развлечений, где все стерильно и продумано до мелочей.

Они спустятся в Гранд Каньон, прогуляются по высохшему руслу реки Колорадо, заблудятся, испугаются, а потом с помощью духов народа хавасупаи наполнятся древней природной силой и мудростью и найдут дорогу обратно. Они поднимутся на гору Кадиллак, непременно рано утром, подставят лица рассвету, не запятнанному продуктами цивилизации и столь девственно чистому, что поневоле поверишь в его Божественное происхождение. Они посетят каньон Антилопы, почувствуют себя карликами среди гигантских валунов, затеряются в лабиринтах расщелин, поймут в объектив солнце – и оно выведет их в обитаемый мир.

Он готов подарить сказку наяву...

Но.

Вдруг ей уже кто-то помогает, и Алекс лезет туда, куда его не звали?... Вдруг сейчас у нее все благополучно, впрочем, как и раньше, а тоску в ее глазах он придумал сам? И никто ее не заставляет продавать себя. Согласно статистике больше половины «жриц любви» занимаются этим по собственному желанию, по разным причинам: заработать, заполучить спонсора или даже мужа, завести полезные знакомства, да просто – ради регулярного секса.

Первую половину ночи Алекс провел в каком-то нетрезвом, нездоровом сне, перемежавшемся злым бодрствованием: перекашивался с края на край кровати, сминая морщинами безукоризненно натянутую простыню, жестоко избивая ортопедическую подушку. Задышался от жары, покрывался потом, в горле пересыхало, приходилось вставать, идти на кухню, искать что-нибудь попить. Свет не включал, чтобы окончательно не просыпаться, на ощупь открывал кран. От шума и холода воды последний сон убежал, прятался в темный угол, выглядывал оттуда сторожко, оценивая ситуацию и возможность возвращения.

Чтобы его привлечь, Алекс ложился на спину, расслаблял мышцы от затылка до ступней по системе американских пилотов, опустошал голову, впадал в забытие, но вскоре опять вздрагивал от какой-то резкой мысли, звука или видения, замерзал, искал одеяло, давно сброшенное на пол, и опять возвращался в начальный пункт.

Давно с ним такого не было. Соппротивление бесполезно, понял Алекс, прекратил погоню за сном, открыл глаза и уставился в потолок, от черноты казавшийся бесконечно далеким. В темноте пространство не сужается, как думают многие, а расширяется до бесконечности – эффект, который знали средневековые художники, потому часто писали портреты на черном фоне. Тьфу, зря вспомнил про портреты – на потолке тут же возник облик незнакомки с фото.

Алекс прикрыл глаза, чтобы его не видеть.

Нет, так дальше нельзя. Дальше только сумасшествие, причем совершенно осознанное, ступенчатое: потеря сна, потеря радости, потеря перспективы, потеря памяти и – дурдом, где тебя будут обворовывать сиделки, выглядящие как добропорядочные прихожанки, и сексуально использовать санитары, накачанные как бойцы.

Хорошенькая перспектива...

Вот пожалуйста – накрутил сам себя, хоть сейчас в петлю.

Надо успокоиться, полечиться... не кокаином или парацетамолом, но старым, проверенным средством – шотландским виски тройной дистилляции «Лафройг». В давние, непросвещенные времена его называли «чудодейственный препарат» и продавали в аптеках всем желающим. В наше «продвинутое» время им «лечатся» только члены королевской семьи Британии и алкогольные гурманы – цена высока, эффект не доказан.

Алексу доказывать ничего не надо: «Лафройг» – друг, он поможет. Налил – немного, только, чтобы скрылось дно бокала, поднес к носу, вдохнул длинной затяжкой. Крепкий торфяной дух ударил в мозг, пробудил рецепторы ощущений и дал сигнал всему телу приготовиться к получению наслаждения – от напитка почти как от секса.

Водку опрокидывают сразу в рот, виски пьют короткими глотками с короткими перерывами. Алекс не спешил, пил и ощущал...

Врачующая субстанция «чудодейственного препарата» горячей лавой разлилась по телу от макушки до пальцев рук и ног и, в отличие от других лекарств, подействовала мгновенно.

Мысли ослабли и потеряли резкость, мышцы отпустили напряжение, отяжелели, обвисли, как мокрое белье. Алекс почувствовал усталость, будто шахтер, отработавший полную смену дробилкой и только что принявший расслабляющий душ. Одна мысль – лечь в постель и отрубиться.

Лег, раскинул руки-ноги и закачался на волнах... хотел как «звезда», а получилось как лайнер, терпящий крушение: его «Титаник» то зарывался носом в черную, ледяную воду, то выплывал на звездный свет, выпускал победный дым из всех своих четырех труб и благополучно обходил айсберг, посланный судьбой. Но напрасно надеялся на спасение: на смену одному айсбергу уже плыл другой – вскоре «Титаник» на него наткнется и утонет.

Карма сработала.

Судьбу еще можно изменить, а карму не обманешь: она послала Алексу незнакомку, на которую он наткнулся и... чуть не утонул – в океане любопытства, неожиданных открытий и неунывающих надежд под песню великого лирика Боба Дилана:

Я исполню все твои мечты, дай срок,
Нет преград, я всё бы смог,
Я пройду миллион дорог –
Знай о моей любви.

Говорят, ресторанный оркестр на «Титанике» играл веселые фокстроты до самого последнего момента, до полного погружения... Нет, Алексу погибать сейчас нельзя, он еще не прошел свой «миллион дорог» ради незнакомки. Станет она его айсбергом или «воротами в небо»?

Ответ придется искать самому.

- ...представляешь, сколько ей досталось пережить, - рассказывала Энн, не догадываясь, что Алекс только секунду назад вынырнул из воспоминаний о прошедшей ночи, пропустив большую часть ее повествования.

Последние слова удивительным образом перекликались с его собственными мыслями о вчерашней девушке, заставили его вернуться в «здесь и сейчас», прислушаться. Он слегка наклонился к Энн, показывая – продолжай, я весь внимание.

Энн продолжала:

- Саския показала мне свое фото на телефоне: ей одиннадцать лет, сидит на коленях у матери, а на следующий день мама умерла. Хорошо, она потом удачно вышла замуж (знала своего Ганса с четырнадцати лет), но два года назад он умер. А еще раньше умерла дочь, в двадцать три года, у нее какое-то редкое заболевание было... атрофия мышц... болезнь Дюшенна или что-то в этом роде... А ты что такой мрачный? Твоя-то дочь в порядке. Я только вчера с Наоми разговаривала.

- Извини, мам, какой-то суматошный день сегодня.

- Это из-за ретроградного Меркурия. Я в гороскопе прочитала. Что-то серьезное?

- Да нет. Все как всегда. Ты продолжай, мне интересно. – Может быть, ему все же стоило сконцентрироваться на разговоре с Энн – слушая о чужих проблемах, забываешь свои.

Алекс прямо-таки заставил себя сосредоточиться, но хватило его не надолго. Голос Энн растворился в окружающем шуме, слова перестали различаться, мысли потекли в своем направлении, как ртуть, которую куда ни направляй, она всегда выбирает собственное русло.

«Все как всегда» было не совсем «как всегда».

Началось с самого утра. Алекс и Дэнни ожидали приезда богатых инвесторов из Саудовской Аравии и перед их приездом проштудировали деловой этикет страны, чтобы избежать ошибок от незнания обычаев и не делать круглые глаза, замечая «странности». Особенно касалось Алекса. Он должен был их встречать и целый день сопровождать (всячески ублажать и

потакать капризам... то есть пожеланиям – в исламских странах любые, самые малые знаки внимания считают не навязчивостью, но проявлением уважения).

Когда ехал в аэропорт, разбитый, вернее, побитый самим собой, проклинал самую первую «странность» инвесторов - решение прилететь в воскресенье: в Саудовской Аравии это обычный рабочий день. А в Америке – обычный выходной, и его Алекс хотел бы провести совсем по-другому... сам не знал как, но не в серьезных переговорах, когда надо напрягать мозги, три раза думать прежде, чем говорить, и не выказывать недовольства даже бровями, если в самый важный момент переговоров гости вдруг встанут и удалятся для совершения намаза.

Ну, и другие «мелочи» не стоит выпускать из виду: при рукопожатии не смотреть в глаза – могут расценить за наглость, удерживаться от похлопывания по плечу – панибратства там не любят, и не вздумать обсуждать вопросы общественного устройства в их стране, особенно положение женщин.

Прям экзамен на политкорректность какой-то...

Презентацию делала Джина, как всегда профессионально - из трех составляющих: содержание проекта, наглядная информация и эмоциональное воздействие сделала упор на последнем. Однако глава делегации, занимавший должность наследного принца, Мохаммед ибн какой-то, сын такого-то... долгое перечисление арабских имен... невозможно запомнить (Алекс называл его почтительно «ваше сиятельство») больше следил не за ее расчетами, а за ее грудями.

Они, конечно, заслуживали внимания, но в нерабочее время, да и тогда принцу не на что было бы рассчитывать. Джина не делала грудями карьеру - ни собственную, ни работодателей, для служебного продвижения использовала исключительно знания, опыт и деловое чутье. Она так же, как Алекс, целый день сопровождала гостей, обеспечивая им комфорт и отвечая на вопросы. Но даже ее присутствие не помогло им прийти к окончательному решению – инвестировать ли в развитие «Золотой Лихорадки» и в каком виде.

В четыре пополудни гости закончили переговоры благодарностью за прием, расплывчато пообещали «подумать и сообщить в ближайшее время» и отправились на молитву, потом в ресторан. Алекс вздохнул с облегчением, глянул на Джину - она выглядела ненамного лучше своих предков, отработавших световой день на хлопковой плантации. Алекс ее пожалел, отправил освежиться под душем и зарядиться новой энергией в спортзале. Поднялся к Дэнни, рассказал о результатах, вернее, об отсутствии таковых и прошелся по чисто арабской привычке к неопределенности.

- Представляешь, за целый день ни словом, ни намеком не дали понять – что у них на уме. Улыбаются учтиво, кивают головой... Может, и не собираются в нас вкладывать, а приехали просто бесплатно пожить да поиграть. Я вот что думаю. Если сегодня, самое позднее завтра до ланча не дадут о себе знать, буду искать других инвесторов.

- Только не в мусульманских странах. Завтра начинается Рамадан, деловая жизнь замирает. Будь сегодня на связи, держи телефон под рукой, - предупредил Дэнни. – Мой номер ты им, надеюсь, не забыл дать?

- Конечно, и Джины тоже - на случай, если я буду в ванной комнате или посплю минут пятнадцать, чтобы восстановиться.

Алекс направился к себе, собираясь принять контрастный душ – чередование горячей и холодной воды будит скрытые силы организма и бодрит, как снег после сауны. Услышал раздвигающиеся двери лифта, увидел выходящего Боба Райера и по его тревожным глазам понял – омовение откладывается.

- Алекс, у нас проблема, – сказал Боб точно таким тоном, как в фильме про астронавтов «Армагеддон», только там вместо «Алекс» было «Хьюстон» - позывной Центра управления

полетами. В отличие от арабских инвесторов, шеф секьюрити рум никогда не ходил вокруг да около: есть проблема – сразу в лоб.

Обсуждать личные дела казино на бегу, в коридоре, на виду у гостей – не метод управления серьезным заведением. Оно, конечно, не космический центр, где каждая мелочь обсуждается на коллегии специалистов. Но и не булочная, где вопросы решают по ходу дела, смешение ингредиентов производят «на глазок», и недосып или пересып чего-то не так смертелен, как недолив или перелив топлива в «Шаттле».

Алекс жестом пригласил Боба в небольшой зал отдыха между номерами. Взяли по чашке кофе из автомата, сели на диван перед окном с видом на Стрип. Боб держал чашку в руках, ожидая, когда остынет. Алекс любил именно горячее, ароматно дымящееся – отпил своего эспresso и пустым взглядом уставился на Эйфелеву башню. Чем дольше смотрел, тем сильнее злился.

На себя? Или на башню?

На нее, конечно.

Да чем же она провинилась?

Показушница, обманщица, фальшивка.

Днем она выглядела как кружевное сооружение из простого, черного металла, на закате же – облитая солнцем и подсвеченная лампочками, сияла, будто сделанная из чистого золота. Обман зрения, киношный спецэффект, пустышка под красивой оберткой – типичный Лас Вегас, где все выглядит совсем не так, как есть на самом деле, и сказка разбивается о реальность, едва ступишь за Стрип.

Туда не рекомендуется заглядывать туристам. Там буксует машина счастья. Там второе лицо Вегаса – как обратная сторона глянцевой открытки: на парадной стороне утопающий в лучах света город и надпись «Добро пожаловать в сказочный Лас Вегас!», на другой – нищие дома с фанерой вместо стекол, а на заборах надписи аэрозольной вроде «пошли вы все на...» и гигантский фаллос. Именно потому, что этот грешный город выдает себя за рай, особенно режут глаза бездомные, наркоманы, инвалиды в камуфляжах, сидящие на земле, выпрашивающие подачки. Лучше деньгами: подающие думают «на еду», принимающие используют «на рулетку».

За пределами сияющего огнями и возможностями Бульвара воздух пахнет не духами от «Дольче и Габанна», а марихуаной и прокисшим пивом, на тротуарах валяются использованные презервативы, объедки и лужи блевотины. В городе, где официально запрещена проституция, агрессивно предлагается секс: объявления на каждой стене и тумбе, на окнах забегаловок, на бортах машин. «Доставка женщин в отель всего за двадцать минут». Это быстрее, чем доставка пиццы.

В качестве иллюстрации к объявлениям по улицам фланируют девушки, призывно показывающие полуголыми задницами, одетые ангелами – с пушистыми белыми крыльями за спиной и нимбами над головой. Но не обманывайся, прохожий-приезжий, их святость обманчива, как и всё в этом продажном городе – за хорошую плату эти девушки готовы вывернуться наизнанку.

Может, и незнакомка, в которую так неосторожно влюбился Алекс, совсем не та, за которую он ее выдает...

Черт, совсем расклеился... Эта ночь... и этот день... Этот Боб еще с его проблемой... С нашей проблемой...

А есть ли на свете места без неприятностей и люди без проблем? Говорят, собаки кокер-спаниэли не подвержены перепадам настроения и двадцать четыре часа в сутки находятся в состоянии безмятежной радости. Надо завести такую собачку, чтобы заряжаться позитивом...

А пока зарядиться терпением и выслушать Боба.

- Выкладывай.

- К нам заселился один человек под именем Джон Пэрри. Наша система распознавания лиц узнала в нем Джеймса Тайлера. Лучший карточный шулер нашего времени. Про него даже программа была по Дискавери пару лет назад. Я смотрел, но сейчас его не узнал. Подстригся, отпустил бороду, надел очки. Феноменальная ловкость рук. Творит чудеса без компьютера в тупле, просчитывающего карты, или помощника, издавело подглядывающего в чужие карты.

Тасуя колоду, Тайлер может ровно через три или четыре карты, в зависимости от количества игроков, положить тузы так, чтобы они попали именно к нему. Не говоря про расклад колоды идеальным веером, доставание ее изо рта и другие фокусы. В программе он говорил – тренировался семнадцать лет, чтобы достичь мастерства. Если сядет играть, разденет казино догола. Многие на Стрипе запретили ему вход. Выдворить его?

- Подожди. – Алекс допил кофе, поставил чашку на столик, чтобы руки были свободны, неподвижны, и ничто не уводило мысли в сторону.

Он не умел думать о чем-то серьезном, теребя пальцами ручку или шагая из угла в угол. Все другие движения, кроме мозговых, отвлекали – заслоняли собой главное, задвигали на второй план, рассыпали бусинками по полу. Кофеин, как слабый возбуждающий наркотик, помог сосредоточиться – хоть и на короткое время, то этого хватит. Алекс уставил взгляд на ничем не примечательную пальму в углу и запустил мыслительный процесс. Мозг его был остёр и вгрызался в проблему, чтобы добыть решение, как бур вгрызается в породу, чтобы добыть нефть.

- Он уже играл? – спросил Алекс. Для вынесения вердикта следует собрать побольше информации.

- Нет. Ходит, присматривается. Я приставил к нему моих парней. Как только соберется сесть за стол, они возьмут его под руки и вежливо попросят удалиться.

- Как думаешь – что ему нужно? – спросил Алекс, отвел взгляд от пальмы и посмотрел в нефтяные капли зрачков Боба. - Играть? Думаю, не рискнет. Хоть изменил внешность, а камера его вычислила, и он это знает. Слушай, Боб. Мы могли бы использовать его талант в своих целях.

- Как это? – Боб выпучил глаза и без того круглые. Еще немного – они выскочат из глазниц, как у героя фильма «Маска», и с превеликим удивлением уставятся на собеседника. – Предложить охмурять других клиентов в нашу пользу?

- Конечно, нет. Можем, например, предложить, чтобы показал мастер-класс. Зрители любят, когда раскрывают фокусы, особенно карточные. Шулеры, в отличие от иллюзионистов, этого не боятся, потому что подобные фокусы – это «всего лишь»... - Алекс показал пальцами жест «в кавычках» - ...ловкость рук, которая вырабатывается годами. Пусть он почувствует себя желанным гостем, а не мошенником, которого отовсюду гонят. Вдобавок заработает легально. И нам клиентов привлечет.

- Думаешь, согласится?

- Уверен на девяносто процентов. Тут психология работает. Если долго и упорно над чем-то трудишься и достигаешь, хочешь признания. В чем бы он ни преуспел: криминальном или вполне легальном. Человек по натуре тщеславен. Порой хочет простого восхищения сильнее, чем финансового вознаграждения за труд. Почему, думаешь, преступник возвращается на место идеального убийства?

- Ну... посмотреть – не оставил ли улики или еще чего...

- Нет. На месте идеального убийства улики не остаются. А возвращается он, чтобы тайком посмотреть на реакцию полицейских – как они будут удивляться и восхищаться его чистой «работой». В общем, понаблюдай за этим Пэрри. Если заметишь у него честные намерения, то есть нежелание садиться за стол, пригласи для беседы на тему, которую мы только что обговорили. Если согласится, я или Дэнни заключим с ним джентльменское соглашение.

- О кей, - сказал Боб, но уходить не поспешил.

- У тебя еще что-то? – спросил Алекс и услышал писк телефона – пришло сообщение: через полчаса ужин с Энн. Черт, совсем забыл. Ужин с мамой – это святое. Только пожар или наводнение могли бы его отменить, будем надеяться ни то, ни другое в ближайший вечер с казино не случится. – Давай коротко, у меня еще дела.

- Хорошо. Как ты знаешь, в отеле гостит член монаршей фамилии одной великой европейской страны. Он уже два дня пьянствует в номере и с девочками развлекается. Как напьется, ведет себя неадекватно, а сегодня вообще учудил. Стоял голый перед окном и орал: смотри, Лас Вегас, на мое королевское достоинство!

- А как вы узнали? Он же, вроде, где-то на верхних этажах проживает.

- Мы регулярно запускаем дроны, чтобы с внешней стороны следить за состоянием отеля. Сделали фотографии...

- Слейте их анонимно в интернет. За принцем наблюдайте, но ничего не предпринимайте. В опасных случаях вмешается его охрана. А нам его чудачества только на руку. Бесплатная реклама. Соображаешь?

- Понял. Сделаем. Спасибо, Ал. – Боб поднялся. – Ты вверх или вниз?

- Сначала вверх, приму душ, потом спущусь в зал. Ты далеко не уходи. Покажешь мне этого знаменитого шулера...

- ...а Марайка молодец, не унывает, - продолжала Энн, запивая стейк тосканским красным «супервином» Сассикайя Болгери.

Она полюбила его после того, как узнала, что в Тоскану часто навещают члены голландской королевской семьи и, скорее всего, пьют лучшие местные вина.

Удивительно, какое влияние имеют знаменитые на обычных. Как пастух на стадо. Как идол на поклонников.

Неумение самостоятельно мыслить, слепое следование чужим советам – начальная стадия идиотизма. Американцам его не занимать: «золотые» кроссовки Трампа сразу после презентации разошлись за считанные минуты, хотя он сам их не создавал, не носил и не имел представления об их качестве. То же самое с омолаживающей косметикой от одной из красоток семейки Кардашьян – расходуется мгновенно, хотя эффект не доказан, а цена выше средней. Ну и что? ЭТО не может быть плохо по определению, ведь ЭТО рекомендует все-американская звезда, самая молодая девушка-миллиардер в истории страны. Она знает больше и лучше других - дураки миллиардов не зарабатывают.

Они на дураках зарабатывают.

Стадное поведение соотечественников иногда поражало Алекса, но оно же помогало процветать его заведению, потому не вызывало особых нареканий. И кстати, не было свойственно Энн -достаточно мудрой и трезвомыслящей, чтобы не дать себя охмурять рекламными акциями. Если она чем-то восхищалась, то не слепо, но осознанно – испробовав на себе, и часто это было связано с ее родиной, тогда к восхищению добавлялись нотки патриотизма и ностальгии.

Ее вкусу Алекс доверял. «Супервино» было действительно супер. И стейк – ничего плохого не скажешь, качество приготовления на высоте, а потребления... Был бы Алекс в другом настроении, ел бы не спеша, долго жевал каждый кусок, гоняя по рту, возбуждая пищевые рецепторы, заставляя мозг вырабатывать дофамин - гормон счастья.

Теперь же ел быстро, проглатывал, почти не замечая выкуса, и прикончил стейк только из уважения к японскому повару и собственной матери – чтобы не портить ей удовольствие от ужина с сыном и не дать повод к расспросам о его самочувствии. Пусть лучше продолжает рассказывать о вновь приобретенной подружке...

- Удивительная женщина, имя у нее тоже необыкновенное – старо-голландское, как у жены Рембрандта, - продолжала Энн. – Другая бы заперлась в четырех стенах и топила горе в кофе. Только не Саския. Погоревала и взяла себя в руки. Дома не сидит. Каждый день гуляет на природе, пять раз в год ездит в отпуск. По стране и по Европе. Теперь вот в Америку наве-

далась. Совершенно одна! (Helemaal alleen! – сказала Энн по-голландски. Время от времени она вставляла слова на родном языке, чтобы, по ее мнению, точнее выразиться).

- Впрочем, ездит иногда с подружкой из Ирландии. Они познакомились на Санторини. Я там была, кстати, с твоим отцом еще. Помню, купила специально белый сарафан на бретельках и синюю соломенную шляпу, чтобы быть в одном стиле с белыми домами и синими крышами... А какие там бараньи ребрышки (lamskotelett)... А какие живописные закаты... Знаешь ли ты, что самый последний закат Миллениума компания би-би-си снимала именно на Санторини?.. Да ты не слушаешь совсем. В каких облаках витаешь?

- Извини, мам. День сегодня какой-то... напряженный.

Мягко сказано. Вернее, полный стресса день - он до сих пор не успокоился, наоборот, бродит, бурлит, как прокисшее вино в бочке. Недалек момент, когда она взорвется, разлетевшись на дощечки, и нельзя допустить, чтобы они попали в Энн.

- Не обидишься, если я не останусь на десерт?

- Не обижусь, дорогой. И не буду скучать в одиночестве. Сейчас как раз придет Саския, я хотела ее с тобой познакомить. Но если спешишь, ничего. В другой раз как-нибудь. Иди-иди. Обо мне не беспокойся. Я тут посижу, с подружкой поболтаю. По-нашему, по-голландски. Ты-то уже подзабыл родной язык. Он тебе практически не нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.